

Круглосуточный книжный мистера Пенумбры

Автор:

Робин Слоун

Круглосуточный книжный мистера Пенумбры

Робин Слоун

Книжный магазин – идеальное место, чтобы спрятать концы в воду. На пыльных дальних полках мистера Пенумбра хранит книги, которые, если верить Гуглу, не существуют. Вереница странных символов, тисненные золотом переплеты, редкие читатели и ночной продавец, которому эксцентричный владелец ясно дает понять: не задавай вопросов, а главное – не читай.

Но паутина загадок уже оплетает героя. Пара неосторожных фраз – и вот уже целый батальон друзей: книжники и программисты из Гугла, знатоки античности и фанаты «Звездных войн» – пытается разгадать шифр полувековой давности.

Робин Слоун

Круглосуточный книжный мистера Пенумбры

Copyright © 2012 by Robin Sloan

All rights reserved

Printed in the United States of America

First edition, 2012

© Робин Слоун, 2012

© Виктор Апрелев, перевод на русский язык, 2016

© Livebook Publishing Ltd, 2016

* * *

Книжный магазин

Ищем сотрудника

Затерянный во мраке среди стеллажей, я почти упал со стремянки. Я завис в самой ее середине. Далеко внизу виднеется пол книжного магазина – поверхность планеты, которую я покинул. Вершины стеллажей теряются высоко надо мной, в сумраке: полки плотно набиты книгами и не пропускают света. Да тут и воздух, похоже, разреженный. Мне кажется, я даже вижу летучую мышь.

Спасая свою жизнь, я цепляюсь одной рукой за стремянку, другой за край стеллажа, так что пальцы белеют. Пробегаю взглядом по книгам как раз над собственными костяшками, читая надписи на корешках – и замечаю ее. Книгу, которую ищу.

Но мне лучше начать с самого начала.

Меня зовут Клэй Дженнон, и было время, когда мне практически не приходилось иметь дела с бумагой.

Я садился за кухонный стол, открывал ноут и просматривал вакансии, но тут в браузере начинала моргать какая-нибудь вкладка, я отвлекался и шел

по ссылке на длинную статью о генно-модифицированном винограде. Статья оказывалась слишком длинной, так что я добавлял ее в закладки. А потом шел по другой ссылке, читать рецензию на книгу. Рецензия тоже отправлялась в закладки, а я загружал первую главу книги – третьего романа из серии про вампирскую полицию. Дальше, забывая про объявления, я перебирался в гостиную, устраивал ноут на животе и читал весь день напролет. Свободного времени у меня было навалом.

Я был безработным – результат усекновения пищевой цепи, что ураганом пронеслось по Америке в начале двадцать первого столетия, оставляя за собой разорившиеся сети бургерных и рассыпавшиеся в прах империи суши.

Работа, которой я лишился, была должностью в главном офисе «НовоБублика», расположенном не в Нью-Йорке или каком-нибудь другом славящемся бубликами городе, а прямо тут, в Сан-Франциско. Компания была совсем крохотная и совсем новенькая. Основали ее двое бывших работников Гугла, которые написали программу для создания и выпекания идеальных бубликов: ровная хрустящая корочка, нежный вязкий мякиш, и все это – в форме идеального тороида. Я устроился туда сразу после выпуска из художественного колледжа, дизайнером, клепал маркетинговую агитацию для продвижения и рекламы этого вкусного тороида: меню, купоны, схемы, плакаты для витрин и один раз даже целый стенд для выставки хлебопекарных изделий.

Дел хватало. Сначала один из бывших гугловцев попросил меня набросать новый дизайн логотипа. На старом были крупные аляповатые радужные буквы в бледно-коричневом круге, и выглядел он так, словно был нарисован в Paint. Я переделал его, взяв шрифт посвежее с четкими засечками, которые, в моем представлении, чем-то напоминали общий рисунок еврейского письма. Это добавило «НовоБублику» чуток солидности, а мне принесло награду от местного филиала АИГИ[1 - Американский институт графических искусств (прим. перев.)]. Потом, когда я обмолвился второй компаньонше, что умею кодить (немного), меня назначили ответственным за сайт. Я переделал и его, а потом освоил небольшой маркетинговый бюджет, нацеленный на поисковые запросы типа «бублик», «завтрак» и «топология». Кроме того, я стал голосом @НовоБублика в Твиттере и привлек несколько сотен новых фолловеров интересными фактами о завтраке и скидочными купонами.

Все это, конечно, не было новой стадией человеческой эволюции, но я чему-то учился. Рос. И тут экономика поплыла, и оказалось, что в рецессию людям

хочется старых добрых бубликов, ноздреватых и кособоких, а не симметричных, как НЛО, пусть даже посыпанных мелко размолотой каменной солью.

Бывшие гугловцы привыкли к успеху и не собирались покорно сматывать удочки. Они по-быстрому переименовались в «Староиерусалимскую бубличную компанию», напрочь забросили свой алгоритм, так что бублики стали получаться подгоревшими и бесформенными. Меня попросили придать сайту ностальгический облик, и это задание не принесло мне ни радости, ни наград от АИГИ. Маркетинговый бюджет усох, потом пропал. Работы становилось все меньше и меньше. Я ничему не учился и никуда не рос.

Наконец мои работодатели сдались и слиняли в Коста-Рику. Печи остыли, сайт погас. Никакого выходного пособия не было, но мне остался корпоративный макбук и аккаунт в Твиттере.

Словом, со стажем меньше года, я оказался безработным. И увидел, что пострадала не только пищевая отрасль. Люди переселялись в мотели и палаточные лагеря. Вся экономика внезапно стала похожа на музыкальную игру в свободный стул, и я твердо понимал, что стул, хоть какой, нужно захватить как можно скорее.

С учетом конкуренции перспектива рисовалась удручающая. У меня водились друзья, такие же, как я, дизайнеры, но за ними уже числились всемирно известные сайты или передовые интерфейсы для тачскринов, а не какие-то логотипы новорожденных бубличных. Некоторые из них работали в Эппл. Мой лучший друг Нил основал собственный бизнес.

Еще годик в «НовоБублике», и мне тоже было бы что показать, но мне не хватило времени, чтобы собрать нормальное портфолио или как следует вникнуть хоть во что-нибудь. От колледжа остался лишь диплом по швейцарской типографике (1957–1983) и трехстраничный сайтик.

Но я не оставлял попыток найти работу. Запросы мои таяли на глазах. Сначала я был уверен, что буду работать только в компании, миссию которой разделяю. Потом подумал, что неплохо было бы хотя бы иметь возможность узнать что-то новое. После этого решил, что лишь бы не какая-нибудь гадость. И вот уже старательно уточнял свое понимание гадости.

И вот бумага-то меня и спасла. Оказалось, сосредоточиться на поиске работы я могу, лишь оторвавшись от интернета, так что я распечатал кипу объявлений с вакансиями, закинул телефон в ящик стола и двинул на прогулку. Объявления, в которых требовался опыт, я, скомкав, выкидывал в ребристые зеленые мусорки по пути, и к тому времени, когда я устал и сел в автобус, чтобы ехать домой, у меня оставалось лишь два-три потенциально перспективных листка, сложенных и сунутых в задний карман для дальнейшего прозвона.

Этот путь и привел меня к новой работе, хотя и не так, как я ожидал.

Сан-Франциско – хорошее место для прогулок, если ноги крепкие. Центр города – это крошечный холмистый квадрат, с трех сторон окруженный водой, так что потрясающие пейзажи здесь на каждом шагу. Идешь себе один, думаешь о своем, с пучком распечаток в кулаке, и вдруг земля уходит из-под ног, и прямо перед тобой открывается вид на бухту, окаймленную подсвеченными оранжевым и розовым зданиями. Такого архитектурного стиля, как в Сан-Франциско, не встретишь больше ни в одном другом городе страны, и даже если ты тут живешь, до конца привыкнуть к странности этих видов невозможно: высокие и узкие дома, с окнами, похожими на глаза и зубы, и финтифлюшками, как на свадебном торте. А на фоне этого всего парит, если смотришь в верном направлении, ржавый призрак моста Золотые Ворота.

Я двинулся вдоль одной из таких причудливых перспектив, вниз по крутому ступенчатому тротуару, затем прошел по берегу, возвращаясь домой длинной кружной дорогой. Я шел вдоль линии старых причалов, тщательно сторонясь kloкочущего рагу Рыбацкой пристани, и наблюдал, как рыбные рестораны перетекают в мореходно-инженерные фирмы, а дальше – в здания, где базируются различные интернет-стартапы. Наконец, когда мой живот заурчал, сообщая, что не прочь пообедать, я свернул обратно в город.

Всякий раз, двигаясь по улицам Сан-Франциско, я высматривал в витринах объявления о найме – не самое обычное занятие, верно? Наверное, стоило бы относиться к ним поскептичнее. Легальные работодатели публикуются в «Крейглисте».

Разумеется, это объявление круглосуточного книжного магазина на законную работу ничуть не походило:

Ищем сотрудника ночная работа особые требования своя выгода

В общем, я почти не сомневался, что «круглосуточный книжный магазин» – это такой эвфемизм. Нашел я его на Бродвее, в самой эвфемистической части города. Поиск вакансий завел меня далеко от дома; рядом с книжным располагалось заведение под названием «Попки»: их движущаяся неоновая вывеска изображала пару то скрещивающихся, то раздвигающихся ног.

Я толкнул стеклянную дверь книжного. Надо мной весело звякнул колокольчик, и я нерешительно переступил порог. В тот момент я и знать не знал, какой важный рубеж только что пересек.

Представьте себе форму и объем нормального магазина, только перевернутого на бок. Помещение было абсурдно узким и головокружительно высоким, и до самого потолка вздымались стеллажи: три этажа книг, а то и больше. Я запрокинул голову (почему в книжных всегда приходится проделывать такое, от чего страдает шея?) – полки плавно уходили в сумрак и казались бесконечными.

Забиты они были под завязку, и у меня появилось чувство, будто я стою на опушке леса – и притом не какого-то дружелюбного калифорнийского леса, а старого трансильванского, полного волков, ведьм и вооруженных кинжалами бандитов, притаившихся сразу за границей лунного света. Лестницы-стремянки были прикреплены к стеллажам на роликах, чтобы можно было их двигать. Обычно такие кажутся прикольными, но тут, возносящиеся в сумрак, они выглядели зловеще. Намекали шепотом о всяких случаях в потемках.

Так что я топтался в передней части магазина, которую заливал яркий полуденный свет, отпугивающий гипотетических волков. Стена вокруг дверей была прозрачная: толстые квадратные стекла, обитые железом, по которым высокими золотыми буквами было полукругом выведено (задом наперед):

ЫРБМУНЕП АРЕТСИМ НИЗАГАМ ЙЫНЖИНК ЙЫНЧОТУСОЛГУРК

А ниже этой надписи, под сводом буквенной арки, красовался знак – две ладони, абсолютно плоские, сложенные как раскрытая книга.

Ну а кто такой мистер Пенумбра?

– Кто там, привет, – раздался негромкий голос из книжной чащи. Вышел человек – мужчина, долговязый и худой, похожий на одну из стремянок, одетый в светлосерую сорочку и синий джемпер. На ходу он покачивался, опираясь длинной ладонью на края полок. Вот он вышел на свет, и я увидел, что свитер у него под цвет глаз: они были тоже синие и выглядывали из глубоких гнезд морщин. Он был очень стар.

Он кивнул и вяло махнул мне рукой.

– Что вы ищете на этих полках?

Хорошая реплика, и, не знаю почему, от этих слов мне стало легко. Я спросил:

– А вы мистер Пенумбра?

– Я Пенумбра, – он кивнул, – и я хранитель этого места.

Я и сам как-то не думал, что произнесу эти слова, пока не сказал:

– Я ищу работу.

Пенумбра моргнул, кивнул и проковылял к стойке возле входной двери. Это было мощное сооружение из темного свилеватого дерева, настоящая крепость у края леса. В такой, наверное, можно не один день выдерживать осаду стеллажных полчищ.

– Трудоустройство.

Пенумбра опять кивнул. Он опустился на стул за стойкой и теперь разглядывал меня из этого убежища.

– Приходилось уже работать в книжных магазинах?

– Ну, – отозвался я, – в школе я подрабатывал официантом в рыбном ресторане, так там хозяин продавал свою собственную кулинарную книгу.

Книга называлась «Новая минтайность», и там описывался тридцать один способ – ну, вы поняли.

– Это, наверное, не считается.

– Не считается, но неважно, – сказал Пенумбра. – Прежний опыт книготорговли здесь вам мало пригодится.

Погодите-ка: а может, у них тут сплошная эротика? Я мельком оглядел полки, но не заметил никаких корсетов, ни кружевных, ни любых других. Напротив, рядом со мной на журнальном столике лежала стопка пыльных романов Дэшила Хэммета. Хороший знак.

– Расскажите, – сказал Пенумбра, – про какую-нибудь книгу, которую вы любите.

Тут уж я не задумывался. Это без вопросов.

– Мистер Пенумбра, – ответил я, – это не одна книга, а целая серия. Не шедевр художественного слова и, пожалуй, слишком длинная, да и конец ужасный, но я перечитывал ее три раза и лучшего друга нашел благодаря тому, что мы с ним оба фанатели по этой книге в шестом классе.

Я перевел дух.

– Я люблю «Хроники поющих драконов».

Пенумбра поднял бровь, затем улыбнулся.

– Это хорошо, просто отлично, – сказал он, расцветая в улыбке, обнажающей наползающие друг на друга белые зубы.

Потом он прищурился, оценивающе глядя на меня.

– Ну а на стремянку сумеете вскарабкаться?

Вот так я и оказался на этой лестнице на высоте третьего этажа, в помещении круглосуточного книжного магазина мистера Пенумбры. Книга, за которой меня отправили, называется «Аль-Асмари» и стоит на расстоянии примерно полутора длин руки слева от меня. Очевидно, придется спуститься и передвинуть лестницу. Но оттуда, снизу, Пенумбра кричит мне: «Тянитесь, мой мальчик! Тянитесь!»

Вау, мечтал ли я когда-нибудь о такой работе?

Пуговицы пальто

В общем, это было месяц назад. Теперь я ночной продавец в магазине Пенумбры и скачу вверх-вниз по стремянке не хуже мартышки.

Тут нужна особая техника. Подкатываешь лесенку к месту, блокируешь колесики, потом сгибаешь колени и одним прыжком вскакиваешь сразу на третью или четвертую перекладину. Подтягиваешься на руках, чтобы не потерять импульс, и через две секунды ты уже в пяти футах от земли. Карабкаясь, смотреть надо прямо перед собой, не вверх и не вниз, фокус зрения удерживать примерно в футе от своего носа, чтобы книги проплывали мимо облаком разноцветных корешков. Мысленно считаешь ступени и наконец, добравшись до нужного уровня, вынимаешь книгу, за которой лез... ну да, конечно, тянешься.

Профессиональный навык, наверное, не такой востребованный, как веб-дизайн, зато, пожалуй, повеселее, и в моей ситуации привередничать не приходилось.

Единственное, хотелось бы применять это новое умение почаще. Круглосуточный книжный магазин мистера Пенумбры работает 24 часа не потому, что покупатели валят косяком. Строго говоря, их почти нет, и временами мне кажется, что я не продавец, а ночной сторож.

Книги Пенумбра продает подержанные, но все они в таком неизменно отличном состоянии, что вполне сошли бы за новые. Скупает он их днем – продать книгу можно только тому, чье имя написано на витринах, – и, по-видимому, далеко не все подряд. Кажется, его не особо волнуют списки бестселлеров. Товарный реестр у него разношерстный: никакого заметного принципа или цели, кроме, полагаю, его личных пристрастий. Так что ни тебе малолетних волшебников, ни полиции вампиров. Что обидно, поскольку магазинчик-то именно такой, где хочется купить книжку о волшебнике-малолетке. Такой магазинчик, где хочется этим волшебником-малолеткой стать.

Я рассказал про Пенумбру друзьям, и бывает, что кое-кто из них заглядывает попятиться на стеллажи и на то, как я карабкаюсь в их пыльные выси. Обычно я убалтываю друзей что-нибудь прикупить: роман Стейнбека, сборник рассказов Борхеса, мощный том Толкиена – очевидно, любимые Пенумброй авторы: у него тут есть все их сочинения. Как минимум, впариваю открытку. На стойке таких целая пачка. На открытке тушью нарисован фасад магазина – тонкая работа, такая старая и непопулярная манера, что уже снова стала крутой, – и Пенумбра продает их по доллару за штуку.

Но один бакс в несколько часов не окупает моего жалованья. И я не могу понять, из чего же оно рассчитывается. Не могу понять, как этот магазин вообще остается на плаву.

Одного покупателя я видел уже два раза – это женщина, которая, я почти уверен, работает по соседству в «Попках». Я так думаю, потому что оба раза ее макияж больше напоминал очки енота, и от нее пахло куревом. У дамочки лучезарная улыбка и пегие светло-русые волосы. Возраст не понять – равновероятны плохие двадцать три или удивительные тридцать один, – и как ее зовут, я не знаю, но знаю, что она любит биографии.

В первый приход она неспешно прошла по кругу и изучила ближние ко входу полки, волоча ноги и рассеянно потягиваясь, потом подошла к стойке.

– А есть у вас про Стива Джобса? – спросила она. Она была одета в стеганую куртку поверх розового топики и джинсы, а в голосе слышалась легкая гнусавость.

Я нахмурился и ответил:

– Думаю, нет. Но давайте проверим.

У Пенумбры есть база данных, установленная на ветхом бежевом макинтоше. Я настучал на клавише фамилию его создателя, и Мак издал глухой звук, возвещающий успех. Дамочке повезло.

Мы выгнули шеи, оглядывая стеллаж с биографиями, и вот она: единственный экземпляр, глянцевый, будто новый. Может, рождественский подарок папе, технарю-управленцу, который книг не читает вообще. Или продвинутый папа решил прочесть ее в электронном виде. Как бы там ни было, кто-то продал книжку сюда, и она прошла отсев у Пенумбры. Чудеса.

– Он был такой симпатичный, – объявила Розовый Топик, держа книжку в вытянутой руке. Стив Джобс, обхватив подбородок, взирал с белой обложки; он был в круглых очках, немного похожих на очки Пенумбры.

Спустя неделю она вошла, приплясывая, усмехаясь и бесшумно хлопая в ладоши – отчего казалась скорее двадцати трех, чем тридцати одного, – и объявила: – О, та книжка была просто улет! Теперь вот что... Тут она посерьезнела.

– У него есть еще про Эйнштейна.

Она показала свой смартфон, на экране которого светилась страница Амазона с биографией Эйнштейна, написанной Уолтером Айзексоном.

– Нашла в интернете, но подумала, может, у вас продается?

Давайте начистоту: это было невероятно. Просто мечта книготорговца. Стриптизерша, пошедшая наперекор истории с воплем «Стой!»[2 - Автор отсылает к изречению американского правоконсервативного философа и писателя Уильяма Бакли (1925–2008): «Консерватор – это тот, кто с криком «Стой» идет наперекор истории во времена, когда никто не будет ни слушать такого, ни долго терпеть».] – но, с надеждой запрокинув головы, мы обнаружили, что книжки «Эйнштейн: его жизнь и Вселенная» в секторе биографий у Пенумбры ноль экземпляров. Там нашлось пять разных книг о Ричарде Фейнмане, но вообще ничего об Эйнштейне. Так говорил Пенумбра[3 - Отсылка к философскому роману Фридриха Ницше «Also sprach Zarathustra»

(нем.) – «Так говорил Заратустра».]

– Правда?

Розовый Топик опечалилась.

– Засада. Ладно, куплю, наверное, в интернете. Спасибо.

Она выплыла обратно в ночь и до сих пор не возвращалась.

Давайте начистоту. Если бы мне пришлось ранжировать опыт приобретения книг по удобству, легкости и степени удовлетворения, список вышел бы таким:

1. Идеальный независимый книжный типа «Пигмалиона» в Беркли.
2. Большой шикарный «Барнс энд Нобл». Я знаю, что это корпорация, но магазины отличные, в этом не откажешь. Особенно те, что с большими диванами.
3. Книжный ряд в «Волмарте» (рядом с грунтами и удобрениями).
4. Бортовая библиотека «Западной Виргинии», атомной подлодки глубоко в толще Тихого океана.
5. Круглосуточный книжный магазин мистера Пенумбры.

Вот я и решил поправить дело. Нет, я ничегошеньки не смыслю в управлении книжными магазинами. Нет, я не держу руку на пульсе аудитории, закупающей книги после танца на шесте. Нет, мне ни разу не доводилось вытаскивать какую-либо фирму из ямы, если не считать того, что я спас от банкротства фехтовальный клуб Родайлендской школы дизайна, устроив 24-часовой марафон фильмов Эррола Флинна. Но я знаю, кое-что Пенумбра делает неправильно – то есть не делает совсем.

Например, маркетинг.

У меня есть план: сначала я зарекомендую себя каким-нибудь небольшим достижением, потом испрошу бюджет на печатную рекламу, выставлю несколько плакатов в витрине, а может, даже замахнусь на баннер на автобусной остановке рядом: «Автобус ждете? А может зайдете?». Найдя в интернете расписание, я буду предупреждать клиента за пять минут до прибытия нужного маршрута. Шикарная идея.

Но начинать надо с малого, и, пока нет покупателей, я усердно тружусь. Первым делом цепляюсь к незапароленному Wi-Fi соседей, обозванному «попонет». И пишу на местных сайтах один за другим восторженные отзывы про наше неприметное сокровище. Отправляю дружеские мейлы с подмигивающими смайликами в местные блоги. Завожу на Фейсбуке группу с одним участником. Подписываюсь на гугловскую супертаргетированную рекламную программу – ту, что мы использовали в «НовоБублике» – она помогает определить ЦА с анекдотической детализацией. Выбираю из длинного списка необходимые характеристики:

- живет в Сан-Франциско
- любит книги
- полуночник
- пользуется наличными
- без аллергии на пыль
- любит фильмы Уэса Андерсона
- недавно пинговался по GPS в радиусе пяти кварта-лов отсюда.

У меня есть всего десять долларов на эту затею, поэтому нужно быть очень конкретным.

Это что касается спроса. Еще надо подумать о предложении, которое у Пенумбры, мягко говоря, причудливое – но и это лишь часть сюжета. Круглосуточный магазин Пенумбры, как я узнал, – это, по сути, два магазина

под одной вывеской.

Первый, более-менее обычный, располагается у входа, вплотную окружая стойку. Невысокие стеллажи с пометками «История», «Биографии» и «Поэзия». Там стоят «Никомахова этика» Аристотеля и «Сибуми» Треваньяна. Этот более-менее обычный магазин, пестрый и обескураживающий, но, по крайней мере, там стоят книги, которые можно найти в библиотеке или в интернете.

Второй книжный расположен за и над этим всем, на высоких полках с лестницами, и его заполняют сочинения, которых, насколько известно Гуглу, не существует. Не сомневайтесь, я проверял. У многих томов старинный вид – потрескавшаяся кожа, оттиснутые золотом названия, но другие одеты в новенькие хрустящие обложки. Так что не все они старые. Просто все они... уникальны.

Про себя я называю эту часть Дальнеполочным фондом.

Сначала я думал, что все эти книги из мелких типографий. Из крошечных типографий амишей, не питающих склонности к оцифровке данных. Или, думал я, может, все это самиздат – целое собрание вручную переплетенных единственных экземпляров, которые никогда не попадут в Библиотеку Конгресса и вообще никуда. Может быть, у Пенумбры своего рода приют для таких сирот?

Но теперь, после месяца здесь, я начинаю думать, что не все так просто. Понимаете, к этому второму магазину прилагается и второй набор покупателей – небольшое сообщество персонажей, которые вращаются вокруг нашего книжного, будто прибившиеся Луны. Они нисколько не похожи на Розовый Топик. Они пожилые. Приходят с алгоритмической регулярностью. Они никогда не выбирают. Они появляются абсолютно бодрые, как стеклышко трезвые и дрожащие от нетерпения. Например.

Звенит колокольчик над дверью, и не успевает он стихнуть, как мистер Тиндэлл орет, задыхаясь:

– Кингслейк! Мне нужен Кингслейк!

Он опускает руки (он что же, правда мчался по улице, схватившись за голову?) и шлепает ладонями по стойке. И потом еще раз, будто сообщает, что на мне горит рубаха, и удивлен, почему я не бросаюсь тушить:

– Кингслейк! Скорей!

База данных в макинтоше содержит и нормальные книжки, и Дальнеполочный фонд. Последний не отсортирован ни по заглавиям, ни по темам (есть ли у них вообще темы?), так что без помощи компьютера не обойтись. Вот я набью К-И-Н-Г-С-Л-Е-Й-К, и Мак медленно загудит – Тиндэлл переминается с носков на пятки, – потом звякнет и выдаст таинственный ответ. Не «Биографии», не «История», не «Научная фантастика и фэнтези», а «3-13». Это значит Дальнеполочный фонд, третий ряд, полка 13, карабкаться до которой всего лишь три метра.

– О, слава богу, благодарю, да, слава богу, – воскликнет Тиндэлл заполошно. – Вот моя книга.

Он вынет невесть откуда, видимо, из штанов, огромный том: возвращает, в обмен на Кингслейка.

– ...а вот карточка.

И подвинет ко мне по столу зеленоватую ламинированную карточку с тем же символом, что украшает витрину. На карточке будет загадочный код, крепко оттиснутый в плотной бумаге, который я перепишу. У Тиндэлла будет, как всегда, счастливый номер 6WNJHY. Списывая, я дважды опечатаюсь.

Закончив возиться со стремянкой, я замотаю Кингслейка в коричневую бумагу. Попробую завести светский треп:

– Как ваши дела, мистер Тиндэлл?

– О, отлично, теперь получше, – выдохнет он, дрожащими руками сгребая сверток. – Продвигаюсь, понемногу, постепенно, конечно! Festina lente, благодарю, благодарю!

Вновь звякнет колокольчик, и Тиндэлл поспешно выскочит прочь. На часах – три ночи.

Может, это книжный клуб? Как в него вступают? А платят ли?

Вот такие вопросы я себе задаю, сидя в одиночестве, когда уйдет Тиндэлл, или Лапен, или Федоров. Тиндэлл, пожалуй, самый странный, но вообще все они довольно чудные: все седеющие, рассеянные, как будто из какого-то другого времени или места. Никаких айфонов. Никаких упоминаний о событиях поп-культуры, да и вообще о чем-либо, кроме книг. Для меня все эти люди, конечно, одна компания, хотя они вполне могут вообще не знать друг о друге. Приходят они поодиночке, и никто и слова не скажет ни о чем, кроме очередного объекта своего сию минутного исступленного вожделения.

Что в их книгах, я не знаю, и это незнание – часть моих обязанностей. В тот день, когда я устроился на работу, пройдя стреляночный тест, Пенумбра зашел за стойку, пристально посмотрел на меня своими синими глазами и сказал:

– На этой работе есть три правила, очень строгих. Не спешите с ними соглашаться. Продавцы в этом магазине следуют им уже почти столетие, и я не позволю их нарушить. Первое: вы всегда должны быть здесь с десяти вечера до шести утра, неукоснительно. Не опаздывать. Не уходить раньше. Второе: нельзя листать, читать или как-то еще изучать тома со стеллажей. Приносите их читателям. И все.

Я знаю, что вы думаете: десятки одиноких ночей, и ты ни разу не сунул нос ни в одну книжку? Нет, не сунул. Насколько я понимаю, у Пенумбры где-то спрятана камера. Если я тайком загляну в книжку, а он узнает, я вылетчу. Друзья мои вылетают с работы как мухи: целые отрасли закрываются, целые организации. Я не хочу жить в палатке. Мне нужна эта работа.

И к тому же второе правило компенсируется третьим:

– Вы должны вести подробные записи обо всех операциях. Время. Внешность посетителя. Его настроение. Как спросил книгу. Как взял. Не выглядит ли обиженным. Носит ли на шляпе веточку розмарина. И так далее.

Думаю, в нормальных обстоятельствах меня бы такое требование покорило. Но в нынешних условиях – выдавать диковинные инкунабулы чудаковатым книжникам в глухие ночные часы – оно кажется совершенно уместным. Так что я, вместо того чтобы паяльаться на запретные полки, описываю клиентов.

В мое первое дежурство Пенумбра показал мне низкую полку в моей стойке, на которой выстроились крупноформатные тома в кожаных переплетах, все одинаковые, если не считать ярких римских цифр на корешках. – Наши журналы, – сказал он, пробегая пальцами по строю, – охватывают почти столетие.

Вытянув крайний правый, он плюхнул его на стол с гулким шлепком.

– Будете отныне тоже их заполнять.

На обложке журнала было глубоко оттиснуто слово NARRATIO и символ – тот же, что на витрине. Две ладони, раскрытые, будто книга.

– Открывайте, – велел Пенумбра.

Страницы в журнале были широкими и серыми, заполнены темными чернилами. Встречались рисунки: миниатюрные портреты бородатых мужчин, плотные геометрические каракули. Пенумбра поворошил страницы и нашел место примерно в середине журнала, отмеченное закладкой из слоновой кости, где записи обрывались.

– Записывайте имя, время, название книги, – продолжил он, похлопав по бумаге, – но кроме того, как я сказал, поведение и внешний вид. Мы ведем записи о каждом читателе и о каждом клиенте, который может стать читателем, чтобы видеть их прогресс.

Помолчав, он добавил:

– Некоторые работают и впрямь очень усердно.

– А что они делают?

– Как что?

Пенумбра вскинул брови. Как будто ничего нет более очевидного.

– Читают, мой мальчик!

В общем, на страницах журнала под названием NARRATIO и под номером IX я стараюсь вести полную и ясную хронику всего, что происходит во время моего дежурства, лишь изредка позволяя себе литературные изыски. Наверное, можно сказать, что правило номер два не универсально. Одну странную книгу в магазине Пенумбры мне трогать разрешено. Ту, которую я сам пишу.

Приходя утром, Пенумбра расспрашивает меня о посетителях, если они были. Я зачитываю ему журнал, он кивает, слушая мои заметки. Но потом решает копнуть поглубже:

– Добротное описание мистера Тиндэлла, – резюмирует он. – Но скажите, заметили ли вы: у него перламутровые пуговицы на пальто? Или роговые? Может, металлические? Медные?

Да, согласен: это странно, что Пенумбра ведет такую канцелярию.

Я не могу представить, какая тут может быть цель, пусть даже самая безнравственная. Но у людей, перешагнувших определенный возраст, уже как-то не спрашиваешь, зачем они делают те или иные вещи. Боязно. Вот, к примеру, спросишь: «А собственно, мистер Пенумбра, зачем вам знать, какие пуговицы у мистера Тиндэлла на пальто?», – а он молчит, трет подбородок, повисает неловкое молчание, и вы оба понимаете, что он просто забыл.

А если возьмет и в ту же секунду уволит?

Пенумбра себе на уме и ясно дает понять: делай, что велено, и не задавай вопросов. Мой приятель Аарон на прошлой неделе вылетел с работы и собирается домой в Сакраменто, жить с родителями. В нынешней экономической ситуации я не стал бы испытывать терпение Пенумбры. Мне нужно это место.

А пуговицы у Тиндэлла нефритовые.

Мэтрополис

Чтобы круглосуточный магазин мистера Пенумбры не закрывался ни на минуту, хозяин и два продавца делят сутки на три части, и мне достался самый темный кусок. Себе Пенумбра забрал утро – наверное, это время можно было бы назвать часом пик, только у этого магазина никаких пиков не бывает. Я к тому, что один посетитель – уже событие, а этот одиночка с равной вероятностью может забрести как в час пополудни, так и в полночь.

В общем, я передаю эстафету за стойкой Пенумбре, а принимаю ее от Оливера Гроуна, тихони, который несет ее сквозь вечерние часы.

Оливер высок и дороден, с мощными конечностями и здоровенными ступнями. У него кудрявые медно-рыжие волосы, а уши торчат перпендикулярно голове. В другой жизни он, наверное, играл бы в футбол, греб на гонках или отсеивал публику из низших классов на входе в клуб по соседству. В этой жизни он студент магистратуры в Беркли, изучает археологию. Оливер готовится в музейные кураторы.

Он флегматичен – даже слишком для такой комплекции. Говорит короткими простыми фразами и всегда как будто думает о другом, о чем-то давнем и/или далеком. Оливер грезит об ионических колоннах.

Знания у него глубокие. Как-то вечером я погонял его по книге «Ткань легенд», выдернутой с нижней полки куцевого исторического стеллажа Пенумбры. Я закрывал ладонью подписи, показывая ему только фотки:

– Минойский бычий тотем, тысяча семьсот лет до нашей эры, – чеканил он.

Точно.

– Кубок из Бас-Юс, четыреста пятьдесят лет до нашей эры. Может, пятьсот.

Верно.

– Черепица, шестисотый год. Должно быть, корейская.

Опять в точку.

По итогам теста Оливер дал десять правильных ответов из десяти. Мне стало ясно, что его мозги просто работают в другом временном масштабе. Я едва могу вспомнить, что ел вчера на обед, а для Оливера в порядке вещей знать, что творилось за тысячу лет до Рождества Христова и как это все выглядело.

Я завидую ему. Сейчас мы с Оливером равны: у нас идентичные должности, и мы сидим на одном и том же стуле. Но скоро, оглянуться не успеешь, он перешагнет на новую, весьма серьезную ступень и рванет вдаль. Он найдет себе место в большой жизни, потому что хорошо знает свое дело – и речь не о скачках по стремянкам в полузаброшенной книжной лавке.

Каждый вечер я прихожу ровно в десять и застаю Оливера за стойкой неизменно читающим: книгу с заглавием типа «Хранение и уход за керамикой» или «Атлас наконечников стрел доколумбовой Америки». Всякий раз я барабаню пальцами по темной крышке стойки. Он поднимает глаза и говорит: «Привет, Клэй». Всякий раз я сменяю его за стойкой, и мы на прощание киваем друг другу, как солдаты – как люди, которым очевидно положение друг друга.

Моя смена заканчивается в шесть утра – не самое удобное время для поиска приключений. Обычно я отправляюсь домой и читаю или режусь в игры. Я бы сказал, что расслабляюсь, но вообще-то ночные смены у Пенумбры совсем не напрягают. Так что я просто убиваю время, пока не проснутся соседи по квартире.

Мэтью Миттельбранд – наш приглашенный художник. Худой, как палка, бледный и живет по странным часам – даже страннее моих, потому что они менее предсказуемы. Зачастую мне не приходится утром дожидаться его пробуждения: наоборот, придя, я вижу, что он еще не ложился, корпя над новым проектом.

Днем (более или менее) Мэт трудится на ниве спецэффектов в «Индастриал лайт энд мэджик», в Президио[4 - Район Сан-Франциско поблизости от знаменитого моста Золотые Ворота.], ваяет бутафорию и декорации для фильмов. Ему платят за придумывание и изготовление лазерных ружей и замков с привидениями. Но – и это по-настоящему впечатляет – Мэт не прибегает к помощи компьютеров. Он из вымирающего племени художников по спецэффектам, до сих пор работающих с ножницами и клеем.

Все время, не занятое работой, Мэт трудится над различными собственными затеями. Работает он с фантастическим усердием, час за часом, бросая время, будто сухие сучья в огонь, истребляя начисто, сжигая дотла. Спит он недолго и чутко, бывает, просто сидя в кресле, а то вытянувшись в позе фараона на кушетке. Сущий эльф из сказки или какой-то маленький джинн, только его стихия не воздух и не вода, а воображение.

Последний проект Мэта – самый масштабный, грозящий вскоре вытеснить и меня, и кушетку. Он уже захватывает гостиную.

Мэтрополис, как зовет его автор, сделан из коробок, банок, бумаги и пены. Это игрушечная железная дорога без самой дороги. Несущий ландшафт – крутые холмы, сотворенные из полистироловых упаковочных шариков, стянутых металлической сеткой. Он зародился на садовом столике, потом Мэт добавил еще два, разного роста, эдакие тектонические плиты. На настольной местности раскинулся город.

Модель футуристического пейзажа, сияющий и блистающий гиперполис, сделанный из оческов привычного мира. Изгибы в духе Фрэнка Гэри, вылепленные из гладкой оловянной фольги. Готические шпили и зубцы из сухих макарон. Эмпайр-стейт-билдинг из битого зеленого стекла.

К стене позади столов прилеплены фотки моделируемой натуры: распечатанные снимки музеев, соборов, административных башен и таунхаусов. Есть и панорамные виды, но в основном все же крупные планы: поверхности и фактуры, снятые Мэтом собственноручно. Частенько он встает перед ними, глядит, трет подбородок, оценивает и разбирает зерно и блеск, а потом воссоздает их в собственном уникальном лего. Мэт самые обычные материалы использует так виртуозно, что их исконное происхождение блекнет, и ты видишь только крошечные здания, которыми они стали.

На диване валяется черный пластиковый пульт радиоуправления. Я беру его в руки и щелкаю каким-то рычажком. Миниатюрный дирижабль, дремавший у притолоки, оживает и, гудя, плывет к Мэтрополису. Его хозяин умеет им управлять так мастерски, что легко причаливает к шпилю Эмпайр-стейт, но меня хватает лишь на то, чтобы врезаться в оконное стекло.

По коридору, сразу за Мэтрополисом, моя комната. У нас три спальни, по числу съемщиков. Моя меньше всех, просто белый кубик с эдвардианской лепниной на потолке. У Мэта самая большая, намного больше двух других, но там все время сквозит – она на чердаке, туда ведет узкая крутая лестница. А третья комната, с оптимальным балансом комфорта и размера, принадлежит нашей третьей соседке, Эшли Адамс. Сейчас она спит, но это ненадолго. Эшли поднимается точно в шесть сорок пять каждое утро.

Эшли прекрасна. Пожалуй, слишком прекрасна: неизменно лучезарная и безупречно сложенная, точно 3D-модель. Волосы у нее светлые и прямые, строго по плечи. Руки в тонусе, спасибо двум тренировкам по скалолазанию в неделю. Кожа круглый год позолочена солнцем. Эшли – клиент-менеджер в пиар-агентстве, и ей довелось вести кампанию «НовоБублика». Так мы и познакомились. Ей понравился мой логотип. Сначала мне показалось, будто я в нее влюбился, но потом я понял, что она андроид.

Я не имею в виду ничего плохого! В том смысле, что андроиды ведь, когда ты их просек, абсолютно клевые, да? Милые, сильные, организованные и глубокомысленные. Все это про Эшли. К тому же она наш покровитель: квартира ее. Она живет здесь не первый год, и наша невысокая квартплата – следствие длительной аренды Эшли.

Лично я только приветствую наших новых повелителей-андроидов.

Я прожил тут примерно девять месяцев, когда наша третья соседка Ванесса уехала в Канаду писать диссер по экологии, и это я ей на замену нашел тогда Мэта. Он был другом моего друга по художественному колледжу. Я видел его выставку в одной малюсенькой галерейке с белыми стенами: игрушечные кварталы, построенные внутри винных бутылок и ламповых колб. И когда так совпало, что нам понадобился сосед, а Мэту – жилье, я загорелся идеей жить под одной крышей с художником, но не знал, понравится ли такое Эшли.

Мэт пришел знакомиться в синем облегающем блейзере и в слаксах со стрелками. Мы сидели в гостиной (центром которой был тогда плоскоэкранный телевизор, а настольных городов не было и в мечтах), и Мэт рассказывал нам о своей тогдашней задаче в Ай-Эл-Эм: придумать и смастерить кровожадного демона с синей джинсовой кожей. Он был нужен для фильма ужасов, где дело происходит в «Аберкромби и Фитч».

– Я сейчас учусь шить, – рассказывал Мэт.

Потом он указал на манжет Эшли:

– Вот тут отличные швы.

Потом, когда он ушел, Эшли сказала, что ей понравилась его опрятность.

– В общем, если думаешь, что он нам подойдет, я не против, – заключила она.

Тут и лежит ключ к нашему гармоничному сосуществованию: при всей разнице интересов Мэта и Эшли роднит пристальное внимание к деталям. У Мэта это малюсенькое граффити на стене крошечной станции метро. У Эшли – нижнее белье, подобранное под офисный костюм.

Но настоящая проверка произошла позже, на первом проекте Мэта. Дело было на кухне.

Кухня – святая святых Эшли. Я по кухне хожу на цыпочках: я готовлю еду, которая легко отмывается, типа пасты или печенья из коробки.

Я не притрагиваюсь к ее модным терочкам и навороченной чеснокодавилке. Я знаю, как включать и выключать конфорки, но не знаю, как активировать конвекционную камеру духовки, для которой, по моим подозрениям, нужны два ключа, как для пускового устройства ядерной ракеты.

Эшли обожает кухню. Она лакомка, эпикуреец, и она наиболее прекрасна – или находится на пике своего андроид-совершенства, – когда в выходной готовит духмяный ризотто, облачившись в подобранный по цвету фартук и стянув волосы в золотистый узел на макушке.

Мэт мог бы затеять это все у себя на чердаке или на заднем дворе, тесном и запустелом. Но нет. Он выбрал кухню.

Это происходило в период моей постновобубличной безработицы, так что я был дома и наблюдал за развитием событий. Вообще-то я как раз наклонился поближе, чтобы рассмотреть Мэтово творение, и тут появилась Эшли. Она только что пришла с работы, еще в деловом беже и антраците. Эшли ахнула.

Мэт поставил на огонь здоровенную пирексовскую кастрюлю, в которой медленно колыхалась смесь масла и краски. Она была тяжелой и вязкой, и с медленным нарастанием жара под днищем кастрюли вихрилась и распускалась в ритме замедленного кино. Весь свет на кухне был потушен, а позади кастрюли Мэт поставил две ярких дуговых лампы: они отбрасывали багровые и фиолетовые тени, что тянулись по граниту и травертину.

Я выпрямился и молча ждал. Последний раз меня так застукивали в девять лет за насыпанием вулканчиков из соды и уксуса на кухонном столе после школы. На маме были такие же брюки, как на Эшли.

Мэт медленно поднял взгляд. Рукава у него были засучены до локтей. Темные кожаные туфли поблескивали в сумраке, как и кончики пальцев, испачканные маслом.

– Это имитация туманности Конская голова, – пояснил он.

Ну конечно.

Эшли молча взидала на нас. Рот у нее все еще был приоткрыт.

На пальце болтались ключи, перехваченные на середине полета к крючку, где они обитают, прямо над списком дел.

Мэт жил у нас четвертый день.

Эшли подошла еще на пару шагов, наклонилась поближе, как до того я, и уставилась в космические глубины. Шафрановый пузырь прорастал вверх

сквозь текущий пласт зелени и золота.

– Усраться, Мэт, – ахнула она. – Это чудесно.

Так что Мэтова астрофизическая солянка осталась кипеть, а за ней потянулась череда новых проектов, все более крупных, вызывающих все больше бардака и занимающих все больше места. Эшли интересно за этим наблюдать: зайдет в комнату, упрет руку в бедро, наморщит нос да и выдаст какое-нибудь полезное замечание. Телевизор она вынесла сама.

Это секретное оружие Мэта, его пропуск, его ключ ото всех дверей: он делает прекрасные штуки.

Естественно, я сказал Мэту, что ему стоит заглянуть к Пенумбре, и сегодня он появляется, в половине третьего. Колокольчик над дверью брякает, объявляя о его приходе, и прежде чем Мэт успевает сказать хоть слово, голова его запрокидывается и взгляд устремляется по стеллажам в сумрачные выси. Он оборачивается ко мне и, указывая рукой в шотландке строго в потолок, заявляет:

– Хочу туда залезть.

Я работаю здесь всего месяц и пока не набрался нахальства нарушать правила, но любопытство Мэта заразительно. Он шагает напрямик в Дальнеполочный фонд и, остановившись между стеллажами, наклоняется к полкам, рассматривая прожилки древесины и фактуру переплетов.

Я сдаюсь:

– Ладно, только держись крепко. И книги не трогай.

– Не трогать? – спрашивает Мэт, встряхивая лесенку. – А если я захочу купить одну из них?

– Эти не продаются – их берут читать. Надо быть членом клуба.

– Раритеты? Первые издания?

Мэт уже далеко от земли. Он шустрый.

– Скорее единственные издания, – отвечаю я. – Вне книжного индекса.

– А о чем они?

– Не знаю, – признаюсь негромко.

– Что?

Повторяя громче, я понимаю, насколько тупо это звучит.

– Я не знаю.

– Ты что, ни разу не заглянул?

Мэт останавливается и смотрит на меня сверху. Недоверчиво. Мне уже тревожно. Я вижу, к чему идет дело.

– Серьезно, ни разу?

Он тянется к полке.

Я думал потрясти лестницу, чтобы показать свое недовольство, но единственным исходом, более неприятным, чем Мэт, заглянувший в книжку, был бы Мэт, который разбился насмерть, упав со стремянки. Наверное. Книжка уже у него в руках: толстый том в черной обложке, с ним Мэту нелегко удержать равновесие. Мэт балансирует на ступеньке, а я скриплю зубами.

– Эй, Мэт, – говорю я, и голос у меня внезапно тонкий и плаксивый. – Может, ты просто постави... – Занятно.

– Тебе не...

– Правда занятно, Дженнон. Ты этого не видел?

Прижав книгу к груди, он делает первый шаг вниз.

– погоди!

Почему-то кажется, что, если книгу не уносить далеко от ее места, нарушение будет не таким серьезным.

– Я поднимусь.

Я ставлю вторую лестницу рядом и карабкаюсь скачками. Через миг мы с Мэтом на одном уровне, и на высоте тридцати футов шепотом совещаемся.

Правда такова, что мне, конечно, до смерти любопытно. Я злюсь на Мэта, но и благодарен, что он сыграл роль беса, подталкивающего под локоть. Удерживая толстый том перед собой, он показывает мне страницы. Здесь темно, и мне приходится отклоняться в проход между стеллажами, чтобы хоть что-то разглядеть.

Вот за этим Тиндэлл и остальные прибегают посреди ночи?

– Я-то надеялся, это энциклопедия колдовских ритуалов, – говорит Мэт.

На развороте я вижу плотную вязь из букв, полотнище значков практически без единого пробела. Буквы крупные и жирные, отпечатанные на бумаге острохвостым шрифтом. Алфавит знакомый, романский, то есть обычный, а вот слова – нет. То есть, вообще-то, слов там и не видно. Страницы покрыты сплошными рядами букв – беспорядочная мешанина.

– С другой стороны, – продолжает Мэт, – почему мы знаем, что это не энциклопедия колдовских ритуалов...

Я выдергиваю с полки другую книгу, высокую и тонкую, в ярко-зеленой обложке с шоколадным корешком, на котором написано «Крешимир». Внутри то же самое.

– Может, это ребусы для развлечения, – говорит Мэт. – Типа, суперпродвинутый sudoku.

Клиенты Пенумбры вообще-то как раз такого типа чудаки, которых видишь в кофейнях ломающими голову над шахматной партией с самим собой или решающими субботний кроссворд, с шариковой ручкой, угрожающе нацеленной в газетную страницу.

А внизу тренькает колокольчик. Ледяной страх пробегает от мозга к кончикам пальцев и обратно. От дверей доносится низкий голос:

– Есть кто-нибудь?

Я шиплю Мэту:

– Поставь на место.

Потом скатываюсь с лестницы. Сопя, выруливаю из-за стеллажей и вижу у дверей Федорова. Из всех клиентов, что я видел, он самый старый – у него белоснежная борода, а кожа на руках тонкая, как бумага. Но, пожалуй, он же и самый проницательный. Вообще, он сильно напоминает Пенумбру. Федоров двигает по столу книгу – он возвращает Клутье, – потом, четко пристукнув двумя пальцами, объявляет:

– Теперь мне нужен Мурао.

Вот и ладно. Я нахожу в базе MVRAO и посылаю Мэта обратно на лестницу. Федоров с любопытством разглядывает его.

– Еще один продавец?

– Приятель, – поясняю я. – Просто помогает.

Федоров кивает. Тут до меня доходит, что Мэт вполне мог бы сойти за молоденького члена клуба. Они с Федоровым оба сегодня в коричневом вельвете.

– Вы здесь уже сколько, тридцать семь дней?

Я не считал, но не сомневаюсь, что цифра точная.

У этих ребят все точно, как в аптеке.

– Верно, мистер Федоров, – бодро отвечаю я.

– И как вам?

– Мне нравится, – говорю я. – Лучше, чем сидеть в офисе.

Федоров кивает и подает карточку. У него бKZVCY, конечно.

– Я работал в Эйч-Пи, – он произносит «хейч пи», – тридцать лет. Вот это был офис.

И развивает тему:

– Приходилось пользоваться хьюлеттовским калькулятором?

Мэт возвращается с Мурао. Это большой том, толстый и широкий, переплетенный мраморной кожей.

– Ну да, еще бы, – отвечаю я, заворачивая книгу в коричневую бумагу. – Всю старшую школу у меня был графический калькулятор. «Эйч-пи-38».

Федоров сияет, как гордый дедуля.

– Я разрабатывал двадцать восьмой, это был предшественник!

Я улыбаюсь.

– Он, наверное, еще где-то у меня лежит, – добавляю, протягивая ему через стойку Мурао.

Федоров хватает ее двумя руками.

– Благодарю вас, – говорит он. – А вы знаете, что у тридцать восьмого нет обратной польской нотации?

Он со значением похлопывает свою книгу (колдовских ритуалов?).

– ...а надо сказать, ОПН – удобная вещь для такой работы.

Пожалуй, Мэт прав: судоку.

– Я запомню, – обещаю я.

– Ладно, спасибо еще раз.

Тренькает колокольчик, и мы смотрим вслед Федорову, неспешно топающему к автобусной остановке.

– Я заглянул в эту книгу, – говорит Мэт. – То же самое.

То, что и до сих пор казалось странным, становится еще страннее.

– Дженнон.

Мэт поворачивается и смотрит мне прямо в лицо.

– Я должен у тебя кое-что спросить.

– Дай угадаю. Почему я ни разу не заглянул... – Ты интересуешься Эшли?

Что ж, этого я не ожидал.

– Чего? Нет.

– Вот и отлично. Потому что я интересуюсь.

Я моргаю и тупо пялюсь на Мэта Миттельбранда, стоящего передо мной в аккуратном, идеально скроенном пиджачке. Будто Джимми Олсен признался, что положил глаз на Чудо-Женщину. Контраст слишком разителен. И все же...

– Я собираюсь к ней подкатить, – продолжает Мэт с серьезным видом. – Может получиться неловко.

Он произносит это, будто диверсант перед ночным рейдом. Типа: само собой, это дико опасно, но не психуй. Мне не впервой.

Картинка в моем воображении меняется. А если Мэт – не Джимми Олсен, а скорее Кларк Кент, под личиной которого скрывается Супермен? Конечно, это Супермен ростом пять футов и четыре дюйма, но все же.

– То есть, строго говоря, у нас уже началось.

Как это, погодите-ка...

– Две недели назад. Тебя не было дома. Ты был тут.

Мы выпили вина.

Голова у меня слегка плывет: не от диссонанса Мэта и Эшли как парочки, но от понимания, что эта нить взаимной приязни скручивалась у меня перед носом, а я ничего не заметил. Бесит, когда так.

Мэт кивает, будто все уже решено.

– Ладно, Дженнон. Клево у тебя тут. Но мне пора.

– Домой?

– Нет, на работу. Ночная смена. Монстр из джунглей. – Монстр из джунглей.

– Из живых растений делаем. В павильоне нехилая жарница стоит. Я к тебе, наверное, приду в следующий перерыв. Тут и сухо и прохладно.

Мэт уходит. Позже я записываю в журнале:

Прохладная ночь, безоблачно. Магазин посетил самый молодой клиент за (как думается пишущему) много лет. Он носит вельветовый пиджак, скроенный по фигуре, а под ним безрукавку, расшитую миниатюрными тиграми. Клиент приобрел одну открытку (под давлением), затем ушел, чтобы продолжить работу над монстром из джунглей.

Полная тишина. Я сижу, опершись подбородком на ладонь, перебираю в памяти своих друзей и гадаю, что там еще прячется на самом виду.

Хроники поющих драконов, том I

На следующую ночь в магазин заглядывает еще один мой друг, и не просто какой-то друг, а самый старый.

С Нилом Ша мы лучшие друзья с шестого класса.

В непредсказуемой гидродинамике средней ступени школы я обнаружил, что каким-то образом оказался близко к вершине: безобидный середняк, довольно неплохой на баскетбольной площадке и без обморочного страха перед девочками. Нил, наоборот, погрузился на самое дно, его равно чурались и крутые, и ботаны. Мои соседи по столу в школьной столовой фыркали из-за того, что он смешно выглядит, смешно говорит и смешно пахнет.

Но в ту весну мы сдружились, потому что оба фанатели по книжкам про поющих драконов, и в итоге стали лучшими корешами. Я вступался за него, защищал, тратил на него свой препубертатный политический капитал. Ради меня его звали на тусовки с пиццей, а членов баскетбольной команды я завлек в нашу ролевую группу «Ракеты и чародеи». (Долго они не задержались. Нил неизменно был мастером подземелий и постоянно насылал на них непреклонных дроидов и орков-зомбаков.) В седьмом классе я намекнул Эми Торнгенсен, милашке с волосами цвета соломы, любившей лошадей, что отец Нила – принц в изгнании и немыслимо богат, а потому Нил может составить ей отличную пару на зимнем

балу.

Это было его первое свидание.

В общем, думаю, вы поняли, что Нил кое-чем мне обязан, да только с тех пор между нами столько произошло, что взаимные любезности больше не опознаются как отдельные акты, а сливаются в яркое свечение привязанности. Наша дружба – туманность.

И вот Нил Ша появляется в проеме входной двери, высокий и плотный, в черной спортивной куртке, сидящей по фигуре, и ему совершенно нет дела до пыльных Дальнепосылков. Он нацеливается на низкий стеллаж с ярлыком «Научная фантастика и фэнтези».

– Чувак, у вас тут Моффат! – восклицает он, вынимая толстый том в бумажной обложке.

Это «Хроники поющих драконов», первый том – та самая книга, на почве которой мы сдружились в шестом классе, и поныне любимая нами обоими. Я читал ее три раза. Нил, видимо, раз шесть.

– И, похоже, старое издание, – замечает он, шелестя страницами.

Так и есть. У последнего издания трилогии, вышедшего после смерти Кларка Моффата, обложки с простым геометрическим рисунком, который складывается в орнамент, если все три тома выставить в ряд. А на этом – нарисованный распылителем толстый синий дракон в косицах морской пены.

Я говорю, что Нил должен купить эту книжку: коллекционное издание, и стоит, скорее всего, куда больше, чем просит Пенумбра. К тому же, за шесть дней я не продал ничего, кроме открытки. Обычно мне совестно принуждать друзей покупать, но Нил Ша сегодня если и не богат сверх всякой меры, то в любом случае вполне конкурент принцам не первого ряда. Примерно в то же время, когда я горбатился за минимальную зарплату в рыбном ресторане «Минтаетет» в городе Провиденсе, Нил запускал свое дело. Пролетело пять лет, и поглядите на волшебство целенаправленных усилий: у Нила, насколько я могу оценить, несколько сотен тысяч долларов в банке и компания ценой в миллионы. У меня тем временем ровно 2357 долларов на счету, а компания, на которую я

работаю – если ее можно назвать компанией, – вращается во внефинансовом пространстве, населенном отмывателями денег и маргинальными «церквями».

Словом, на мой взгляд, Нил мог раскошелиться на старую книжку в мягкой обложке, даже если у него нет больше времени на чтение. Пока я копаюсь в темных ящиках конторки, нагребая сдачу, его внимание наконец перемещается к сумрачным стеллажам, царствующим в дальней части магазина.

– А там что? – спрашивает Нил.

Он пока не понял, любопытно ему или нет. Обычно старому и пыльному Нил предпочитает новое и блестящее.

– А там, – говорю я, – настоящий магазин Пенумбры.

Спасибо вмешательству Мэта: я стал с Дальнеполочниками понаглее.

– Допустим, я тебе скажу, – начинаю я, ведя Нила обратно к стеллажам, – что в этот магазинчик постоянно наведывается кучка весьма странных книголюбителей?

– Шикарно, – отвечает Нил, кивая.

Он почуял колдунов.

– И, допустим, я скажу...

Я снимаю с нижней полки том в черной обложке.

– ...что все эти книги – тайнопись?

Я распахиваю черный том, показывая мешанину букв.

– Обалдеть, – загорается Нил. Ведет пальцем по странице через лабиринт литер.

– Есть один парень из Беларуси, вскрывает коды. Защита от копирования, все такое.

В этом высказывании заключается вся разница между нашими с Нилом жизнями после школы: у Нила есть парни – те, кто может оказать ему разные услуги. У меня никаких парней нет. Ноут есть, и на том спасибо.

– Я бы мог показать ему, – продолжает Нил.

– Ну, я не до конца уверен, что это шифр, – признаюсь я.

Закрываю книгу и ставлю ее на место.

– И даже если так, я не знаю, стоит ли его, ну, вскрывать. Ребята, что приходят сюда за книгами – довольно странные типы.

– С этого всегда и начинается! – Нил лупит меня по плечу. – Вспомни, в «Хрониках». Разве на первой странице встречаешь Телемаха-Полукровку? Нет, чувачелло. Ты встречаешь Кочедыгу.

Главный герой «Хроник» – Кочедыга, ученый гном, карлик даже по гномьим меркам. Его в юном возрасте изгнали из воинского клана, и... но, в общем, да, наверное, Нил в чем-то прав.

– Надо разобраться, – продолжает он. – Сколько?

Я объясняю, что у всех членов клуба есть карточки – но теперь это не просто треп. Сколько бы ни стоило вступить в читательский клуб Пенумбры, Нилу это по плечу.

– Узнай, сколько стоит членство, – говорит он. – Провалиться мне, если ты не попал в сюжет «Ракет и чародеев».

Нил ухмыляется. И выдает густым басом Мастера подземелий:

– А ну не дрейфь, Клэймор Краснорукий.

Уф. Он обратил против меня мое игровое прозвище. Это мощное древнее заклинание. Я сдаюсь. Я спрошу Пенумбру.

Мы возвращаемся к коротким стеллажам и ярким обложкам. Нил шелестит страницами другой книжки из наших прежних любимых: истории об огромном цилиндрическом звездолете, медленно приближающемся к Земле.

Я рассказываю ему о планах Мэта окучить Эшли. Потом спрашиваю, как его бизнес. Он расстегивает куртку и гордо демонстрирует свинцово-серую майку под ней.

– Вот такое шьем, – объявляет он. – Арендовали трехмерный томограф, и каждую отливаем по мерке. Сидят идеально. То есть – идеально.

Нил в изумительной форме. Смотрю на него, и всякий раз волей-неволей у меня всплывает образ пухлого шестиклассника, в то время как он умудрился обзавестись противоестественно V-образным торсом супергероя из комиксов.

– Это зачетный брэндинг, знаешь ли, – комментирует Нил.

На облегающей футболке через всю грудь отпечатан логотип компании Нила. Высокими ярко-голубыми буквами написано: «Анатомикс».

Утром приходит Пенумбра, и я заговариваю о том, как бы моему другу прикупить доступ к Дальнеполочникам. Он скидывает с плеч пальтецо – шикарное пальтецо, отлично сшитое, из шерсти самых черных овец – и усаживается в кресло за стойкой.

– О, это вопрос не денег, – говорит Пенумбра, складывая пальцы домиком, – а скорее, намерения.

– Ну, мой друг просто интересуется, – говорю я. – Он заядлый библиофил.

Вообще-то, это неправда. Нилу больше нравятся киноверсии. Он не устает возмущаться, что никто до сих пор не экранизировал «Поющих драконов».

– Что ж, – говорит Пенумбра задумчиво. – Содержание этих книг покажется ему... непонятным. И чтобы получить к ним доступ, нужно согласиться с условиями договора.

– Так значит – нужно платить?

– Нет, нет. Ваш друг просто должен пообещать усердно читать. Это особенные книги, – он машет узкой ладонью в сторону Дальнеполочников. – С особым содержанием, которое требует внимательного чтения. Ваш друг обнаружит, что эти книги открывают необыкновенные вещи, но только если он готов по-настоящему много работать.

– Типа философии? – спрашиваю я. – Математики?

– Не настолько абстрактное, – говорит Пенумбра, качая головой. – В этих книгах загадка.

Склонив голову набок, он глядит на меня.

– Но это вам известно, мальчик мой, не так ли?

Я морщусь и признаюсь:

– Да. Я посмотрел.

– Отлично, – Пенумбра деловито кивает. – Нет ничего хуже нелюбопытного продавца.

Тут он сверкает глазами.

– Разгадка потребует времени и усердия. Не могу объяснить, что дает ее решение, но достаточно сказать, что многие посвятили этому жизнь. Так что, сочтет ли ваш... друг, что оно того стоит, не знаю. Но, подозреваю, такое возможно.

Он лукаво улыбается. До меня доходит, что Пенумбра решил, будто друг на самом деле гипотетический: то есть он думает, что я говорю о себе. Что ж,

может, и так, по крайней мере, хоть чуточку.

– Разумеется, отношения между книгой и читателем – тайна, – продолжает Пенумбра. – Так что все держится на доверии. Если вы пообещаете, что ваш друг будет читать эти книги вдумчиво, с почтением к авторам, я вам поверю на слово.

Я точно знаю, что Нил не станет читать их так, и кроме того, не уверен, что и сам бы на такое подписался. Еще нет. Мне в равной степени любопытно и жутко. Так что я отвечаю только:

– Ясно. Я ему передам.

Пенумбра кивает.

– Если ваш друг пока не готов к такой работе, ничего страшного. Может быть, со временем ему станет интереснее.

Чужак в чужой стране

Ночь за ночью сливаются в одно целое, и в магазине становится все скучнее. Проходит неделя без единого посетителя. Я открываю на ноуте панель управления своей гипертаргетированной рекламной кампании и обнаруживаю, что на нынешний момент число контактов равняется круглому нулю. В углу экрана висит ярко-желтое сообщение Гугла: он предполагает, что у меня задан слишком узкий диапазон аудитории и такой клиентской базы просто не существует.

Интересно, что тут творится днем, в освещенную солнцем смену Пенумбры. А может, у Оливера бывает наплыв покупателей вечером, когда народ идет с работы. А что если эти тишина и одиночество все-таки разрушают мой мозг? Поймите меня правильно: я благодарен за эту работу, за то, что сижу на стуле, а мне понемногу капают доллары (не бог весть какие), которыми я могу платить за квартиру, покупать пиццу и приложения для айфона. Но раньше я работал в офисе – работал в коллективе. А здесь только я и летучие мыши. (Да, я знаю,

там наверху есть летучие мыши.)

В последнее время даже читатели Дальнеполочников куда-то запропали.

Соблазнились еще чьим-то книжным клубом на другом конце города? Накупили электронных читалок?

У меня такая есть, и я ей обычно пользуюсь на дежурствах. И всякий раз представляю, будто книги пялятся с полки и шепчутся: «Предатель!» Но послушайте, мне нужно пробраться сквозь столько бесплатных первых глав! Книжка у меня старая, отцовская, из первых моделей: кривой несимметричный брусок с малюсеньким серым экраном и панелью наклонных кнопок. Он выглядит как реквизит из «Космической одиссеи 2001». Новые читалки выпускают с большим экраном и изящным дизайном, но моя – она вроде Пенумбриных открыток: так устарела, что уже снова в моде.

На середине первой главы «Консервного ряда» экран мигает черным, застывает и тухнет. Такое у меня часто. Батареи должно хватать где-то на два месяца, но я как-то раз надолго забыл читалку на пляже, и теперь без розетки она работает около часа.

Так что я переключаюсь на макбук и пускаюсь в обычный обход: сайты новостей, блоги, твиты. Прокручиваю экран к диалогам, которые появились без меня, днем. Если все сайты, которыми ты пользуешься, живут по какому-то неправильному времени, не означает ли это, что на самом деле по неправильному времени живешь ты?

Наконец я открываю свою любимую страницу: «Бурчалу».

Бурчала – это человек, вероятно, мужского пола, подпольный программист, подвизающийся в области на стыке программирования и литературы: частично хакерские новости, частично Paris Review[5 - Paris Review – литературный журнал, основанный в 1953 г. в Париже. Публиковал сочинения Джека Керуака, Филиппа Рота, Сэмюэля Беккета, Жана Жене и др.]. Мэт прислал мне ссылку после того, как побывал у меня в магазине, полагая, что затеи Бурчалы могут перекликаться с нашими. Мэт не ошибся.

Бурчала рулит богатейшей пиратской библиотекой. Пишет сложные коды для взлома ТСЗАП[6 - ТСЗАП – технические средства защиты авторских прав, программы и устройства, препятствующие копированию или отслеживающие незаконные копии файлов.]; строит сложные аппараты, копирующие тексты с бумажных книг. Работай он в Амазоне, был бы, наверное, богачом. Вместо этого он хакнул считавшуюся неуязвимой Поттериану и выложил все семь томов на своем сайте для бесплатной скачки – с некоторыми поправками. Так что если хочешь читать «Гарри Поттера» бесплатно, придется терпеть проскакивающие упоминания юного волшебника по имени Бурчандор, однокашника Гарри Поттера по Хогвартсу. Ну это и не так плохо: у этого Бурчандора есть несколько отличных реплик.

Меня однако заворожил последний проект Бурчалы. Карта, показывающая места действия всех научно-фантастических историй, изданных в двадцатом веке. Он повыдергивал их из книг специальным софтом и выстроил в трехмерном космосе, так что можно наблюдать, как год за годом коллективное воображение человечества устремлялось все дальше: на Луну, на Марс, Юпитер, Плутон, к Альфе Центавра и дальше. Можно приближать и вращать эту вселенную, а можно вскочить в компактный многогранник-звездолет и все облететь на нем. Отправиться на свидание с Рамой[7 - Свидание с Рамой – роман писателя-фантаста Артура Кларка об искусственном астероиде внеземного происхождения. Три книги продолжения написаны в соавторстве с Джентри Ли.] или искать Базовые миры[8 - В книге Николаса Бриггса «Поколение Далека» – планеты, пригодные для колонизации.].

В общем, два вывода:

1. Нилу это придется по душе.

2. Я хочу быть как Бурчала. В смысле, а вдруг у меня получится что-то столь же крутое? Вот это была бы настоящая компетенция. И я смог бы открыть свое дело. Или пойти работать в Эппл. Мог бы встречаться и взаимодействовать с другими персонами в теплых лучах дневной звезды.

На мое счастье, Бурчала, как и следует герою-хакеру, опубликовал код, на котором работает его карта. Весь трехмерный графический движок, написанный на Ruby – языке программирования, который мы использовали

на сайте «НовоБублика», – целиком и совершенно бесплатно.

Я собираюсь применить код Бурчалы, чтобы изваять что-нибудь свое. Оглядываясь вокруг, я понимаю, что мой будущий проект стоит прямо передо мной: трехмерную графику я буду осваивать, рисуя модель круглосуточного книжного магазина мистера Пенумбры. Это высокий узкий кирпич, внутри заставленный похожими маленькими – ну явно не титанический труд?

Для начала надо было перелить базу данных со старого макинтоша Пенумбры на мой ноут, а это не такое простое дело, потому что эта модель пишет только на пластиковые дискеты, а засунуть такую в макбук нет никакой возможности. Пришлось купить на И-Бэй юэсби-ридер. Он стоил три доллара, плюс пять доставка, и было диковато вставлять такое в свой ноут.

Но теперь, со всеми данными на руках, я строю модель магазина. Пока грубую – кучка серых кирпичиков, сцепленных на манер виртуального лего, – но уже узнаваемую. Обувная коробка помещения налицо, и все стеллажи на месте. Я выстроил их по системе координат, и моя программа умеет находить без моей помощи тринадцатую полку в третьем ряду. Цифровой свет из цифровых окон рисует четко очерченные тени в цифровом магазине. Если это вас впечатляет, значит, вам за тридцать.

Три ночи проб и ошибок, но зато теперь я строчу длинные куски кода, обучаясь на ходу. И это здорово что-то создавать – на экране медленно вращается довольно убедительная полигональная аппроксимация Пенумбриного магазина, и я счастлив, как не был ни разу после закрытия «НовоБублика». В динамиках ноутбука играет новый альбом веселенькой местной группы под названием «Лунное самоубийство», и я собираюсь как раз залить базу на...

Брякает колокольчик, и я вырубаю звук. «Лунные самоубийцы» смолкают, и, подняв глаза, я вижу незнакомое лицо. Обычно я моментально понимаю, стоит передо мной член страннейшего в мире книжного клуба или просто полуночник-бродяга. Но сейчас мое паучье чутье буксует.

Клиент невысок, но плотен, в некоем сгущающемся лимбе среднего возраста. На нем грифельно-серый костюм и белая сорочка с расстегнутым воротом. Все это говорило бы в пользу обычного прохожего, если б не его лицо: призрачная бледность, черная колючая борода и глаза, похожие на темные

карандашные острия. А еще у него под мышкой пакет, аккуратно упакованный в коричневую бумагу.

Его взгляд устремляется первым делом к коротким стеллажам, а не к Дальнеполочникам, так что он может оказаться и обычным клиентом. Может, он шел мимо из «Попок».

– Могу я вам помочь? – спрашиваю я.

– А это вот что такое? Что это значит? – тархтит он, уставившись на передние стеллажи.

– Да, понимаю, с виду не много, – отвечаю я.

На следующем выдохе я собираюсь упомянуть кое-какие жемчужины куцего каталога Пенумбры, но странный тип обрывает меня:

– Издеваетесь? Не много?

Он швыряет пакет на стойку – шмяк – и подступает к полкам с научной фантастикой и фэнтези.

– Что это здесь делает?

У него в руке единственный в магазине экземпляр «Автостопом по галактике».

– А это? Издеваетесь, да?

Показывает «Чужака в чужой стране».

Я не знаю, что сказать, так как не очень понимаю, что происходит. А он возвращается к стойке с обеими книжками в руках.

Шлепает их на деревянную крышку.

– А вы вообще кто такой?

Его темные глаза вызывающе вспыхивают.

– Я – человек, который за все это отвечает, – говорю я как только могу спокойно. – Вы хотите их купить или что?

У него раздуваются ноздри.

– Ни за что вы не отвечаете. Вы даже не новичок.

Блин. Конечно, я работаю тут чуть больше месяца, но это не меняет сути...

– И вы понятия не имеете, кто на самом деле управляет магазином, ведь так? – наседает тот. – Говорил вам Пенумбра?

Я молчу. Уж конечно, это не обычный клиент.

– Нет, – фыркает он. – Выходит, не говорил. Так вот, больше года назад мы велели вашему боссу избавиться от этого хлама.

С каждым словом он хлопает по «Автостопу» для доходчивости. Последняя пуговица на рукавах пиджака у него расстегнута.

– И не в первый раз.

– Послушайте, я не понимаю, о чем вы говорите.

Я буду спокоен. Я буду корректен.

– Так что, серьезно: покупаете или нет?

К моему удивлению, он вытягивает из кармана брюк скомканную двадцатидолларовую бумажку.

– О, безусловно.

С этими словами он швыряет деньги на стойку. Терпеть не могу, когда так делают. – Мне пригодятся улики непослушания Пенумбры.

Молчание. Его темные глаза блестят.

– Вашему боссу не поздоровится.

Как это, за торговлю фантастикой? Отчего этот тип так ненавидит Дугласа Адамса?

– А это что? – сердито спрашивает тот, указывая на макбук. Там на весь экран моя модель магазина, медленно вращающаяся вокруг своей оси.

– Это вас не касается, – отвечаю я, отворачивая экран.

– Меня не касается? – огрызается он. – Да вы хоть знаете... Вы не знаете.

Он закатывает глаза, будто столкнулся с самым скверным обслуживанием в истории Вселенной. Потом качает головой и словно заставляет себя успокоиться.

– Слушайте меня внимательно. Это важно.

Двумя пальцами он толкает ко мне через стойку свой пакет. Широкий, плоский, узнаваемых очертаний. Упершись в меня взглядом, тип продолжает:

– Тут у вас дурдом, но я должен знать, что вы передадите это Пенумбре. Лично в руки. Не сунуть на полку.

Не оставить для него. Отдать в руки.

– Ладно, – говорю я. – Хорошо. Без проблем.

Он кивает.

– Отлично. Благодарю.

Схватив попку, он толчком распахивает входную дверь. Потом, уже на пороге, оборачивается:

– И передайте вашему боссу, что ему кланяется Корвина.

Утром Пенумбра не успевает войти, а я уже пускаюсь рассказывать о происшествии, сбивчиво и торопливо, в смысле, что с этим парнем, и кто такой Корвина, и что это за посылка, и, нет, серьезно, что с ним не так...

– Успокойтесь, мальчик мой, – Пенумбра повышает голос и поднимает ладони, унимая меня. – Успокойтесь. Не так быстро.

– Вот, – говорю я и показываю на пакет, будто это какое-тодохлое животное. Почему мне знать, может, там и естьдохлое животное, или, к примеру, только его кости, аккуратно сложенные в пентаграмму.

– А-ахх, – вздыхает Пенумбра. Обхватив пакет длинными пальцами, он проворно забирает его со стойки. – Как здорово.

Конечно, там не коробка с костями. Что там, я знаю точно, и знал с той минуты, как бледнолицый посетитель вошел в двери, и почему-то правда меня еще больше ошарашивает: ведь, получается, все, что тут происходит, – это не просто чудачества одного старика.

Пенумбра разрывает коричневую обертку. Под ней книга.

– Новое прибавление в нашем фонде, – говорит он. – *Festina lente*.

Книжка совсем тонкая, но очень красивая. В жемчужно-сером переплете из какого-то муарового материала, на свету отливающего серебром. Корешок черный, и на нем жемчужные буквы «Эрдеш». Новая строчка в Дальнеполочном списке.

– Давненько у нас не было новых поступлений, – говорит Пенумбра. – Надо отметить. Погодите, мой мальчик, не уходите.

Он проходит в заднюю комнату мимо стеллажей. Слышу стук его туфель на лестнице в кабинет по ту сторону двери с табличкой «Не входить», за которую я никогда не заглядывал. Он возвращается с двумя пластиковыми стаканчиками, вставленными один в другой, и бутылкой скотча, полупустой. На этикетке написано «Фицджеральд», и на вид лет ей не меньше, чем Пенумбре. Разлив по полдюйма золота в каждый стакан, он подает один мне.

– Теперь, – говорит он, – опишите его. Посетителя.

Прочтите из журнала.

– А я ничего не записал, – признаюсь я.

Строго говоря, я вообще ничего не сделал. Я всю ночь слонялся по магазину, держась подальше от стойки, боясь трогать пакет, смотреть на него и даже думать о нем слишком усердно.

– Ах, но это должно быть в журнале, мальчик мой.

Вот, рассказывайте и пишите. Я слушаю.

И я рассказываю, одновременно записывая. Так мне становится легче: будто странное событие дистиллируется из моей крови на страницу через темное острие авторучки:

– В магазин заходил спесивый болван...

– Э... Пожалуй, будет разумнее этого не писать, – непринужденно замечает Пенумбра. – Лучше скажем, что у него был вид... экстренного курьера.

Ага, ладно:

– В магазине побывал курьер по имени Корвина, который...

– Нет, нет, – Пенумбра останавливает меня.

Прикрыв глаза, он трет переносицу.

– Погодите. Я объясню, потом запишете. Он был необыкновенно бледен, глаза как у хорька, сорок один год, плотный и с неэстетичной бородой, в костюме из мягкой шерсти, однобортном, и с действующими пуговицами на манжетах, и в черных кожаных туфлях с острыми носами – так?

Точно. Туфель я не заметил, но Пенумбра на раз вычислил того типа.

– Ну, разумеется. Его зовут Эрик, и его дар – настоящая драгоценность.

Пенумбра поболтал скотч в стакане.

– Пусть даже он слишком рьяно выполняет свою роль. Это он перенял у Корвины.

– А кто же этот Корвина?

Смешно говорить, но:

– Он вам кланяется.

– Да уж конечно, – Пенумбра закатывает глаза. – Эрик от него без ума. Как многие из молодых.

Уклонился от вопроса. Помолчав мгновение, он поднимает глаза и ловит мой взгляд.

– Тут у нас не просто книжный магазин, как вы, несомненно, уже догадались. Здесь еще и своего рода библиотека, одна из множества по всему миру.

Другая такая же в Лондоне, в Париже – всего дюжина. Среди них не найдешь двух похожих, но назначение у всех одно, и Корвина надзирает за всеми.

– То есть он ваш босс.

От этих слов Пенумбра мрачнеет.

– Я предпочитаю думать о нем как о нашем попечителе, – говорит он, задерживаясь немного на каждом слове. Это «нашем» не проходит незамеченным, и я улыбаюсь.

– Но, подозреваю, Корвина с радостью согласился бы с вашим определением.

Я пересказываю, что Эрик говорил о книгах на коротких полках – и о непослушании Пенумбры.

– Да, да, – со вздохом говорит Пенумбра. – Это я уже проходил. Дурь. Душа библиотек в том, что они все разные. В Берлине Кёстер с его музыкой, в Петербурге Грибоедов с огромным самоваром. А тут, в Сан-Франциско, самое яркое отличие среди всех.

– Какое?

– Ну как: у нас есть книги, которые люди правда могут захотеть прочесть! Пенумбра хохочет, демонстрируя зубастый оскал. Я тоже смеюсь.

– Значит, ничего страшного?

Пенумбра пожимает плечами.

– Это зависит, – говорит он. – Зависит от того, насколько всерьез вы воспринимаете старого косного бюрократа, который думает, что все должно быть одинаковым, повсюду и всегда.

И, помолчав, добавляет:

– Так вышло, что я совсем не принимаю его всерьез.

– А он тут бывает?

– Никогда, – чеканит Пенумбра, качая головой. – Он не был в Сан-Франциско много лет... больше десяти.

Нет, у него есть другие заботы. И слава богу, что так.

Пенумбра поднимает ладони и машет на меня, выгоняя из-за стойки.

– Ступайте, мальчик мой. Вы видели редкое событие, и более значительное, чем вам кажется. Считайте, что вам повезло. И пейте свой виски, юноша! Пейте!

Я вскидываю сумку на плечо и осушаю свой стакан в два крупных глотка.

– Это, – говорит Пенумбра, – за Эвелин Эрдёш.

Он поднимает искристо-серую книгу вверх и, будто обращаясь к ней, восклицает: «Добро пожаловать, друг мой, и отличная работа! Отличная работа!»

Прототип

На следующий день я, как обычно, вхожу и приветственно машу Оливеру Гроуну. Мне хочется спросить его об Эрике, но я не могу найти нужные слова. Мы с Оливером никогда напрямую не обсуждали странности нашей работы. Потому я захожу с такой стороны:

– Оливер, я хочу спросить. Ты видел, сколько здесь бывает нормальных покупателей?

– Немного.

– Ага. Плюс члены клуба, которые берут книги почитать.

– Как Морис Тиндэлл.

– Ага.

Не знал, что его зовут Морис.

– А ты видел, чтобы кто-нибудь приносил новую книгу?

Он молчит, задумывается. Потом говорит просто:

– Не-а.

Едва он уходит, у меня появляется целая куча новых теорий. Может, Оливер тоже в деле. Может, он шпион Корвины? Глазастый тихоня. Шикарно. А может, он участвует в еще более обширном заговоре. Может, я вскрыл лишь верхний слой. Я знаю, что есть еще книжные магазины – или библиотеки? – вроде этого, но я до сих пор не знаю, что означает «вроде этого». Я не знаю, для чего нужны Дальнеполочники.

Я пролистываю журнал от начала до конца, пытаюсь обнаружить что-нибудь, хоть что-то. Может, послание из прошлого: «Берегись, честный продавец, гнева Корвины». Но нет. Мои предшественники писали так же бесхитростно, как и я.

Их записи незамысловаты и документальны, не более чем описания членов клуба, заходящих в магазин. Кто-то мне знаком: тут Тиндэлл, Лапен и остальные. Другие для меня загадка: приходящие только днем или уже давно не появлявшиеся. Судя по датам, рассеянным по страницам журнала, он охватывает чуть больше пяти лет. А заполнен лишь наполовину. Буду ли я заполнять его следующие пять? Год за годом добросовестно строчить, понятия не имея, о чем пишу?

Я понял, что у меня мозг потечет из ушей, если я буду думать об этом всю ночь. Нужно переключиться – отвлечься на что-нибудь важное и увлекательное. Я открываю ноут и возвращаюсь к работе над 3D-книжным.

То и дело я поднимаю глаза на улицу за стеклом. Высматриваю тени, край серого пиджака или блеск темного глаза. Но там пустота. Работа мало-помалу развеивает мою оторопь, и я наконец вхожу в ритм.

Если трехмерная модель этого магазина предполагает какую-то пользу, то, наверное, она должна показывать не только где какая книга стоит, но и какие в данный момент на руках, и у кого. Для этого я наскоро запрограммировал журнальные записи последних недель и научил модель исчислять время.

Теперь книжки светятся на массивных 3D-полках, будто лампочки, а их цвета – это код: те, что брал Тиндэлл, светятся синим, зеленые – это Лапен, желтые – Федоров, и так далее. Довольно клево. Но тут же вылез баг: теперь, если раскрутить магазин вокруг оси, все полки гаснут и пропадают.

Я сижу, согнувшись над кодом и тщетно пытаюсь найти ошибку, и вдруг весело звякает колокольчик.

От неожиданности я невольно всхрюкиваю. Не Эрик ли, случаем, вернулся снова орать на меня? А то, может, сам генеральный, Корвина, наконец явился, чтобы обрушить свой гнев на...

Это девушка. Она заглядывает в магазин от порога, она смотрит на меня и спрашивает:

– Вы открыты?

Ой, да, девушка с каштановыми волосами до подбородка и в красной футболке с оттиснутым на ней горчично-желтым словом «Шмяк», да, вообще-то мы открыты.

– Безусловно, – говорю я. – Можете войти. Мы открыты всегда.

– Я тут ждала автобус, и мне пришло сообщение – кажется, я получила купон?

Она проходит прямоком к стойке, протягивая мне телефон, и там на экранчике моя гугловская реклама. Супертаргетированная рекламная кампания для местных – я забыл о ней, а она все идет, и вот кого-то нашла. И цифровой купон, нарисованный мной, вот он, поглядывает с поцарапанного экрана ее смартфона. У нее шикарные ногти.

– Да! – подтверждаю я. – И отличный купон. Самый лучший!

Я говорю слишком громко. Она сейчас развернется и уйдет. Непостижимые рекламные алгоритмы Гугла привели ко мне девчонку-суперочаровашку, а я понятия не имею, что мне с ней делать. Она крутит головой, оглядывая магазин. Как будто с недоверием.

От таких мелочей зависит история. Разница в тридцать градусов, и моя история окончилась бы прямо здесь. Но угол наклона моего ноута ровно таков, а на экране трехмерная модель магазина бешено вращается в двух плоскостях, как звездолет, кувыркающийся в пустыне космоса, и девушка бросает на него взгляд, и... – Что это? – спрашивает она, подняв бровь.

Прекрасную темную бровь.

Ага, теперь я должен все сделать как надо. Не показаться конченным ботаном.

– Ну, это модель вот этого магазина, и тут видно, какие книги можно...

У девушки загораются глаза:

– Визуализация данных!

Недоверия как не бывало. Она чем-то внезапно довольна.

– Точно, – подтверждаю я.

– Именно она. Вот, глядите.

Двинувшись навстречу друг другу, мы встречаемся на торце стойки, и я показываю 3D-книжный, который по-прежнему исчезает, если слишком раскрутится. Она наклоняется к экрану.

– Можно посмотреть исходный код?

Если злоба Эрика удивляла, то любопытство этой гостьи просто изумляет.

– Конечно, – отвечаю я и тасую темные окошки, пока экран не заполняется чистым Ruby, пестрящим красными, золотыми и зелеными фразами.

– Этим я занимаюсь на работе, – говорит девушка, нависая над экраном и вглядываясь в код. – Визуалом. Не против?

Она показывает на клавиатуру. Ха, нет, прекрасная ночная хакерша, я не против.

Моя лимбическая система настроена на определенный (очень низкий) уровень контактов с людьми (женщинами). И оттого что она стоит рядом и слегка касается меня локтем, я чувствую себя практически пьяным. Я пытаюсь продумать дальнейшие действия. Я посоветую ей «Визуальное отображение количественных характеристик» Эдварда Тафти – я ее видел на полке.

Здоровенная.

Девушка быстро прокручивает мой код, а мне немного неловко, поскольку там внутри масса комментариев типа «Вот так, блин!» или «давай, железяка, делай что велено».

– Великолепно, – говорит она, улыбаясь. – А вы, должно быть, Клэй?

Она это увидела в коде – там есть алгоритм под названием «клэй_молодчина». Наверное, такие бывают у каждого программиста.

– А я Кэт, – представляется она. – Кажется, я нашла, где сбой. Хотите, покажу?

Я колупался не один час, а эта девчушка – Кэт – нашла баг в моей модели за пять минут. Она гений. Объясняя мне процесс отладки, показывает ход своих рассуждений, быстрых и уверенных. И потом – цок, цок – глюк исправлен.

– Прости, я захапала, – говорит она, поворачивая ноут ко мне.

Убирает прядь волос за ухо, выпрямляется и заявляет с оперетточной серьезностью:

– Ну, Клэй, и зачем же ты ваяешь модель этого магазина?

На этих словах ее взгляд убегает по стеллажам к самому потолку.

Я не знаю, стоит ли быть с ней откровенным насчет полнейшей странности этого заведения. «Привет, рад познакомиться, я продаю старым чудакам книги,

которые невозможно прочесть – не хотите со мной поужинать?» (Внезапно меня пронизывает уверенность, что один из этих чудаков вот-вот ввалится в двери. Прошу вас, Тиндэлл, Федоров, все остальные: сегодня не выходите из дому. Не бросайте чтения.)

Я захожу с другой стороны:

– Это своего рода исторический сюжет, – говорю я. – Этот магазин работает уже почти сто лет. Думаю, он старейший в городе – а то и на всем Западном побережье.

– Занятно, – говорит она. – Гугл по сравнению с этим просто дитя.

Вот и объяснение: девчушка из Гугла. Так что она и взаправду гений. А еще у нее мило обколот край зуба.

– Люблю данные такого типа, – она показывает подбородком в сторону ноута.

– Данные о реальном мире. Старые данные.

В этой девчонке есть искра жизни. Это мой главный критерий отсева для новых знакомцев (девушек и не только) и самый лучший комплимент, какой я только могу сказать. Я много раз пробовал вычислить, что зажигает эту искру – какой букет условий должен сложиться в холодном черном космосе, чтобы возникла звезда. Я знаю, что дело главным образом в лице – и это не только глаза, но и брови, щеки, рот и микромышцы, соединяющие это все вместе.

У Кэт они такие симпатичные.

Она спрашивает:

– А ты пробовал написать визуализацию с повременной динамикой?

– Нет пока, не совсем, нет.

На самом деле я даже не знаю, что это такое.

– Мы в Гугле пишем ее для поисковых логов, – продолжает Кэт. – Это клево: ты видишь, как новые идеи вспыхивают и разбегаются по миру, будто маленькие эпидемии. А потом все выгорает за неделю.

Все это кажется мне очень интересным, но прежде всего потому, что мне очень интересна эта девушка.

Телефон Кэт бодро пикает, и она смотрит на экран.

– Ой, – говорит она. – Мой автобус.

Я проклиная городской транспорт Сан-Франциско за внезапную пунктуальность.

– Я могу показать тебе эти штуки с временной визуализацией, – предлагает Кэт. – Хочешь, увидимся как-нибудь?

Ой, вообще-то да, хочу. Может быть, я осмелею и куплю ей Тафти. Я принесу его завернутым в коричневую бумагу. Погодите – а это не подозрительно? Книжка-то дорогая. Может, есть издание попроще, в мягкой обложке. Можно глянуть на Амазоне. Вот нелепость, я ведь в книжном работаю. (Может ли Амазон срочно доставить заказ?)

Кэт ждет моего ответа.

– Конечно, – скриплю я.

Она пишет свой мейл на одной из открыток Пенумбры: katpotente@, естественно, gmail.com.

– Купон сэкономлю до другого раза, – она машет телефоном.

– Пока.

Едва она исчезает, я лезу в настройки своей супертаргетированной кампании. Не выставил ли я там нечаянно галочку в графе «красавица»? (А что насчет графы «не замужем»?) Могу ли я позволить себе такие запросы? В чисто маркетинговом смысле моя кампания провалилась: я не продал ни одной книги:

ни дорогой, ни вообще какой-либо. Более того, я влетел на доллар, из-за подписанной открытки. Но тревожиться не о чем: из моего исходного бюджета в одиннадцать баксов Гугл удержал только семнадцать центов. Взамен я получил единственный показ – единственный идеальный показ, – случившийся ровно двадцать три минуты назад.

Позже, когда час ночного одиночества и вдыхания лигнина меня немного отрезвляет, я совершаю два действия.

Первое: я пишу Кэт и спрашиваю, как она насчет пообедать завтра, то есть в субботу. Может, я немного трусоват, но ковать я стараюсь, пока горячо.

Второе: я гуглю повременную динамику и начинаю работать над новой версией модели, надеясь, что, может быть, прототип впечатлит Кэт. Меня не на шутку увлекает тот тип девушек, которых можно впечатлить прототипом.

Идея в том, чтобы не просто показать, какие книги взяты сейчас, а анимацией изобразить, какие и когда вообще брались. Сначала я перекидываю дополнительные имена, названия и даты из моего журнала в ноут. Затем приступаю к работе.

Программирование программированию рознь. У обычных письменных языков разные ритмы и идиомы, так? Ну вот, и в языках программирования то же самое. Язык под названием С весь состоит из жестких императивов, это практически голый машинный код. Язык под названием Lisp – это одно длинное, петляющее предложение, напичканное придаточными, такое бесконечное, что к концу обычно забываешь, о чем оно вообще-то было. Язык Erlang похож на свое название: эксцентричный и скандинавский. Ни на одном из этих языков я программировать не умею, они слишком трудные.

А вот Ruby, мой рабочий язык со времен «НовоБублика», разработал жизнерадостный японец, и он читается как звучные и понятные стихи. Билли Коллинз[9 - Билли Коллинз (Billy Collins) (р. 1941) – знаменитый американский поэт.] в роли Билла Гейтса.

Но, разумеется, смысл языка программирования в том, что ты его не просто читаешь: ты на нем еще и пишешь. Ты заставляешь его делать какие-то вещи. И вот тут-то, по-моему, Ruby восхитителен.

Представьте, что вы готовите еду. Но вам не нужно шаг за шагом следовать рецепту, уповая на лучшее, а можно добавлять и вынимать ингредиенты из котла в любой момент. Посолил, попробовал, покачал головой и достал соль обратно. Можно испечь идеальную хрустящую корку отдельно, а уж потом добавить внутрь что хочешь. Это уже не линейный процесс, оканчивающийся успехом или (в моем случае, как правило) обидным провалом. Нет, это цикл, или вензель, или легкая завитушка. Это игра.

Так что я добавляю немного соли, чуток сливочного масла и к двум часам ночи получаю рабочий прототип моей новой визуализации. И тут же замечаю кое-что странное: огоньки бегут друг за другом.

Вот у меня на экране Тиндэлл берет книгу с верхушки стеллажа во втором ряду. Затем, в следующем месяце, книгу с той же полки просит Лапен. Спустя пять недель за ними последует Имберт – опять та же самая полка, – но к этому времени Тиндэлл уже вернул свою книгу и взял другую с нижней полки в первом ряду. Он на шаг впереди.

Прежде я не замечал этого сценария, потому что он растянут во времени и пространстве, как музыкальная пьеса, в которой между нотами проходит по три часа, а все ноты в разных октавах. Но теперь, спрессованный и ускоренный на экране моего ноута, он стал очевиден. Они все играют одну и ту же мелодию, или танцуют один и тот же танец, или – да – разгадывают один и тот же ребус.

Звякает колокольчик. Это Имберт: невысокий и крепкий, в колючей черной бороде и обвисшей кепке-гавроше. Он водружает на стойку книгу (громадный том в красной обложке) и толкает ее ко мне. Я быстренько кликаю по своей модели, отыскивая место Имберта в общем узоре. По экрану скачет оранжевый огонек, и не успевает Имберт сказать и слова, а я уже знаю, что он попросит книгу из самой середины второго ряда. Это будет...

– Прохоров, – тяжело выдыхает Имберт. – Теперь мне Прохорова.

На полпути вверх по лесенке у меня вдруг начинает кружиться голова. Что происходит? В этот раз никаких лихих выкрутасов: вытягивая с полки тонкого Прохорова в черной обложке, я едва удерживаю равновесие.

Имберт подает карточку – 6МХН2I – и уносит книгу. Звук колокольчика, и я опять один.

В журнале я описываю совершенный обмен, отмечая кепку Имберта и запах чеснока у него изо рта. А потом приписываю, на пользу какому-нибудь будущему продавцу, и, возможно, чтобы доказать себе, что это все не понарошку:

«В круглосуточном книжном мистера Пенумбры творятся странные дела».

Величайшее вообразимое счастье

...Называются «сингулярными одиночками», – рассказывает Кэт Потенте.

На ней та же самая красно-желтая футболка со «шмяком» что и в тот раз, и из этого следует, что (а) она в ней спала, или (б) у нее несколько одинаковых маек, или (в) она персонаж комикса. Как по мне, так все эти варианты заманчивы.

Сингулярные одиночки. А ну, глянем. Я знаю (спасибо интернету), что сингулярность – это гипотетический момент в будущем, когда кривая развития технологий становится вертикальной и цивилизация как бы перезагружается. Компьютеры становятся умнее людей, так что мы передаем им бразды правления. Или, может, они сами их перехватывают... Кэт кивает.

– Более-менее.

– Но сингулярные одиночки?..

– Скоростные свидания для ботанов, – поясняет Кэт. – Раз в месяц устраиваются в Гугле. Соотношение мальчики-девочки просто отличное или ужасное. В зависимости, кто...

– ...ты там есть.

– Ага. Я там познакомилась с парнем, который программировал ботов для хеджевого фонда. Мы встречались, недолго. Он всерьез увлекался скалолазанием. Плечи у него были красивые.

М-м-м.

– Но сердце жестокое.

Мы сидим в «Гурманском гроте», что в шестиэтажном глянцево-м торговом комплексе. Это центр города, рядом с конечкой фуникулера, но не думаю, чтобы туристы понимали, что перед ними торговый пассаж: при нем нет парковки. «Гурманский грот» – это фудкорт, вероятно, лучший в мире: салаты из местного шпината, тако со свиной грудинкой и суши без ртути. А еще он расположен в подвале и связан переходом со станцией подземки, так что на улицу вообще выходить не надо. Оказавшись тут, я всякий раз воображаю, что живу в будущем, где атмосфера радиоактивна, а на пыльных равнинах бесчинствуют дикие банды байкеров на биодизеле. Эй, как в сингулярности, верно?

Кэт хмурится.

– Это будущее двадцатого века. С приходом сингулярности мы сможем решать такие проблемы.

Разломив надвое фалафель, она предлагает половинку мне.

– И мы будем жить вечно.

– Ну понеслась, – говорю я. – Все та же извечная мечта о бессмертии...

– Это и есть мечта о бессмертии. И что?

Она замолкает, жует.

– Давай объясню иначе. Прозвучит странно, тем более что мы только познакомились. Но я знаю, что я умная.

Это определенно так.

– И думаю, ты тоже умный. Ну и почему это должно заканчиваться? Мы бы столького добились, будь у нас побольше времени. Понимаешь?

Я жую фалафель и киваю. Интересная девица эта Кэт. Ее полнейшая прямота указывает на домашнее образование, а при этом она совершеннейшая очаровашка. Полагаю, тут дело еще и в том, что она красавица. Я бросаю взгляд на ее майку. Слушайте, я думаю, у нее все-таки куча одинаковых.

– Чтобы верить в сингулярность, нужно быть оптимистом, – говорит она. – А это труднее, чем кажется. Ты играл когда-нибудь в «Представь величайшее счастье»?

– По названию, какое-то японское телешоу.

Кэт расправляет плечи.

– Отлично, играем. Для начала представь будущее. Счастливое будущее. Без ядерных грибов. Ну, будто ты писатель-фантаст.

Ладно.

– Мировое правительство... рака нет... ховерборды.

– Дальше. Какое счастливое будущее наступит потом?

– Звездолеты. Экспедиция на Марс.

– Дальше.

– Звездный путь. Нуль-транспортировка. Переносишься куда хочешь.

– Дальше.

Я секунду молчу, потом понимаю.

– Не могу.

Кэт качает головой.

– Это правда трудно. И все это что, тысяча лет? А что наступит потом? Что вообще может после этого наступить? Воображения не хватает. Но это логично, правда? Вероятно, мы можем вообразить только то, что опирается на уже знакомые нам вещи, и к тридцать первому столетию аналогии у нас заканчиваются.

Я изо всех сил пытаюсь представить обычный день в 3012-ом году. И не могу увидеть даже хоть сколько-то убедительной картинки. Живут ли люди в зданиях? Носят ли одежду? Я ощущаю напряжение воображения почти физически. Мысли шарят, как пальцы между диванными подушками, в поисках завалявшихся идей, но ничего не находят.

– Лично я думаю, что в наших мозгах произойдут огромные перемены, – говорит Кэт, постукивая себя по виску и убирая волосы с уха, розового и милого. – Думаю, что благодаря компьютерам мы откроем новые способы мышления. Ты ожидал, что я это скажу... Точно.

– ...но ведь так уже было. Не похоже, что мы мыслим так же, как люди тысячу лет назад.

Погоди-ка.

– Да нет, так же.

– Наши мозги одинаковы аппаратно, но там другой софт. Ты знал, что понятие личной жизни вроде как совсем недавно появилось? И, разумеется, понятие влюбленности.

Да, если быть точным, думаю, понятие влюбленности пришло ко мне прошлой ночью (вслух я этого не говорю).

– Всякая крупная идея типа этих – это апгрейд операционки, – говорит Кэт с улыбкой.

Знакомая территория.

– Некоторые из них создали писатели. Говорят, внутренний монолог изобрел Шекспир.

О, с внутренним монологом я хорошо знаком.

– Но, думаю, писатели свою роль сыграли, и теперь обновлять человеческую операционную систему будут программисты.

Да уж, девушка из Гугла в полный рост.

– Ну, и что в следующей версии?

– Она уже в разработке, – отвечает Кэт. – Вот все эти штуки, которые мы можем делать, как будто находимся одновременно в разных местах, и это абсолютно нормально. В смысле – оглянись вокруг.

Я кручу головой и вижу, что она хочет мне показать: десятки людей за игрушечными столиками уткнулись в телефоны, откуда им показывают не существующие, но почему-то более интересные, чем «Гурманский грот», места.

– И в этом ничего странного, никакой фантастики, это...

Она немного сбавляет тон, огонь в глазах затухает. Наверное, думает, что перегнула палку. (Как я это понял? Есть ли у меня в мозгу специальное приложение?) У нее вспыхивают щеки; вся кровь приливает к поверхности кожи, делая Кэт особенно прелестной.

– В общем, – произносит она наконец, – просто я думаю, что сингулярность вполне можно представить.

Ее искренность вызвала у меня улыбку: мне повезло, что эта неунывающая оптимистка сидит со мной тут, в радиоактивном будущем, глубоко под землей.

Я решаю, что пора показать ей прокачанный трехмерный книжный, оснащенный новой возможностью повременной динамики. Ну, вы понимаете: просто прототип.

– Ты сделал это прошлой ночью? – спрашивает Кэт, поднимая бровь. – Впечатляет.

Я не сообщаю, что это заняло у меня всю ночь и кусок утра. Сама-то она, поди, может такое состряпать за пятнадцать минут.

Мы смотрим, как разноцветные огни кружат и вальсируют. Я отматываю на начало, и мы смотрим еще раз. Я рассказываю случай с Имбертом – прогнозирующую способность моей модели.

– Могло быть совпадение, – говорит на это Кэт, качая головой. – Нужно больше данных, тогда увидим, есть ли на самом деле закономерность. То есть, может, это только проекция. Как с лицом на Марсе.

Или как когда ты полностью уверен, что нравишься девчонке, но оказывается, что нет. (Этого я тоже вслух не говорю.)

– Есть еще данные, которые можно добавить к визуализации? Сейчас тут всего несколько месяцев, да?

– Ну, есть другие журналы, – отвечаю я. – Но это не то чтобы данные, просто описания. Понадобится вечность, чтобы вбить их в компьютер. Там все от руки, а я и свое-то с трудом читаю... У Кэт загораются глаза.

– Корпус естественного языка! А я-то искала случая применить книжный сканер.

С усмешкой она хлопает ладонью по столу.

– Притаскивай их в Гугл. У нас есть для этого машина. Обязательно притаскивай.

Она слегка подсакивает на стуле, и ее губы складываются на слове «корпус» в занятную гримасу.

Запах книг

Моя задача: вынести книгу из магазина. Если у меня получится, я, может быть, узнаю об этом месте и его назначении что-то интересное. Но главное: это, может быть, впечатлит Кэт.

Просто забрать журнал домой я не могу, потому что Оливер с Пенумброй тоже в него пишут. Журнал – это часть магазина. Если я захочу забрать его на дом, понадобится веская причина, и я даже не могу представить какая. «Эй, мистер Пенумбра, я хочу написать портрет Тиндэлла акварелью». Ага, сейчас.

Есть и другой способ. Можно взять другой журнал, старый – не IX, а VIII, или даже II, или I. Тоже опасно. Некоторые из этих журналов старше самого Пенумбры, и я боюсь, как бы от моего прикосновения они не рассыпались в прах. Так что последний из заполненных томов, VIII, самый безопасный и логичный выбор... но он при этом все время на виду. Восьмерку ты видишь всякий раз, когда ставишь на полку последний журнал, и я абсолютно уверен, что его пропажу Пенумбра тут же заметит. Так что, может, VII или VI...

Скрючившись за стойкой, я одним пальцем трогаю корешки журналов, проверяя целостность конструкции, и тут брякает колокольчик на входе. Я рывком выпрямляюсь. Пенумбра.

Он разматывает тонкий серый шарф и описывает кривой круг около стойки, постукивая по крышке суставами пальцев и бросая взгляды сначала на короткие полки, потом на Дальнеполочный фонд. Негромко вздыхает. Что-то будет.

– Сегодня тот самый день, мальчик мой, – произносит он наконец, – ровно тридцать один год назад я приступил к управлению этим магазином.

Тридцать один год. Пенумбра сидит за этой стойкой дольше, чем я живу на свете. Это заставляет меня осознать, насколько я новичок в масштабах этого места, мимолетное дополнение.

– Но лишь одиннадцать лет назад, – продолжает Пенумбра, – я поменял имя на витрине.

– А чье там было раньше?

– Аль-Асмари. Он многие годы был моим учителем и работодателем. Мохаммад Аль-Асмари. Я всегда считал, что его фамилия на стекле смотрится лучше. И до сих пор так думаю.

– Пенумбра отлично смотрится, – возражаю я. – Это таинственнее[10 - Penumbra (исп.) – полумрак, полутень].

Пенумбра улыбается.

– Меняя название, я думал, что изменю и магазин.

Но он совсем не изменился.

– И почему?

– Ох, много причин. Хороших и плохих. Отчасти дело в финансировании... я ленился. В былые времена я читал больше. Искал новые книги. А теперь, похоже, мне хватает моих любимых.

Ну, раз уж он об этом заговорил...

– Может, стоит задуматься о закупке каких-то более популярных вещей, – начинаю я. – Существует рынок независимых книготорговцев, и куча народу просто не знает, что ваш магазин есть, но когда узнают, то здесь им особо нечего выбрать. Вот у меня кое-кто из друзей заходил посмотреть, и... у нас не нашлось ничего, что они бы захотели купить.

– Не знал, что люди ваших лет еще читают книги, – говорит Пенумбра.

Он поднимает бровь. – У меня сложилось впечатление, что все читают с мобильных телефонов.

– Не все. Есть множество людей, ну, знаете, тех, кому по-прежнему нравится запах книг.

– Запах! – повторяет Пенумбра. – Когда заходит разговор про запах, считай, дело табак.

Он улыбается – потом ему что-то приходит в голову, и он с прищуром смотрит на меня.

– У вас ведь нет... электронной книги?

Ы-эх. Как будто директор колледжа спрашивает, не лежит ли у меня в рюкзаке травка. Но дружелюбно, будто хочет, чтобы я с ним поделился. А читалка у меня как раз при себе. Я вынимаю ее из сумки. Она слегка потертая, с длинными царапинами на задней панели и с пятнами чернил у нижней границы экрана.

Пенумбра поднимает ее и хмурится. Экран пуст. Я, протянув руку, трогаю уголок, и машинка оживает. Пенумбра шумно втягивает воздух, и в его голубых глазах отражается бледно-серый прямоугольник.

– Надо же, – говорит он. – А я-то все еще не опомнился от этих вот разновидностей... Он кивает на макинтош.

– ...волшебного зеркала.

Я открываю настройки и делаю ему шрифт покрупнее.

– Отличная типографика, – замечает Пенумбра, вглядываясь в текст и поднося очки к экрану. – Я знаю этот шрифт.

– Ага, – говорю я. – Это у них стандартный.

Мне он тоже нравится.

– Классический шрифт. Gerritszoon.

Пенумбра, помолчав, добавляет:

– Мы использовали его для оформления витрины.

А электричество в этой машинке не заканчивается?

Он слегка встряхивает читалку.

– Батареи должно хватать на пару месяцев. Но моядохлая.

– Пожалуй, это утешает.

Пенумбра со вздохом возвращает мне книжку.

– Нашим книгам батареи пока не нужны. Но я не дурак. Не бог вещь какая выгода. Так что, думаю, хорошо... Тут он подмигивает мне.

– ...что у нас такой щедрый покровитель.

Я засовываю читалку в сумку. Но меня-то это не утешает.

– Честно, мистер Пенумбра, если мы просто прикупим популярных книжек, люди полюбят наш магазин.

Здесь станет...

Я замолкаю, потом решаю говорить начистоту:

– Станет повеселее.

Он трет подбородок, устремляя взгляд в пространство.

– Пожалуй, – произносит он наконец. – Пожалуй, пора собрать остатки энергии, что у меня была тридцать один год назад. Я подумаю об этом, мальчик мой.

Я не передумал добыть и принести в Гугл какой-нибудь из прошлых магазинных дневников. Дома, под сенью Мэтрополиса, развалившись на диване и прихлебывая паровое пиво, несмотря на семь утра, я рассказываю свою задумку Мэту, который вертит малюсенькие дырочки в стенке какого-то

похожего на крепость здания в бледно-мраморной облицовке. Мэт тут же выдает план. На это я и рассчитывал.

– Я могу сделать неотличимую копию, – говорит он. – Без проблем, Дженнон. Только дай мне фотографии оригинала.

– Но ты же не можешь скопировать все страницы, а?

– Только внешний вид. Обложку, корешок.

– А что если Пенумбра откроет неотличимую копию?

– Не откроет. Ты говоришь, эта книжка как бы из архива, верно?

– Верно...

– Так что важна только поверхность. Люди хотят, чтобы вещи были настоящими. Всему поверят, только дай повод.

Из уст шамана спецэффектов звучит убедительно.

– Ладно, значит, тебе нужны только фотки?

– Хорошие фотки. – Мэт кивает. – Куча фоток. Со всех углов. Яркий, ровный свет. Ты понимаешь, что я имею в виду под «ярким, ровным светом»?

– Без теней?

– Без теней, – соглашается Мэт, – что, конечно, никак не выйдет в вашем закутке. Там у вас, можно сказать, магазин круглосуточного полумрака.

– Ага. Тени и книжный запах, у нас этого навалом.

– Могу притащить кое-какую подсветку.

– Боюсь, это меня выдаст.

– Ладно. Глядишь, немного тени и не помешает.

Значит, операция спланирована.

– Кстати, о темных делишках, – говорю я. – Как у тебя с Эшли?

Мэт сопит.

– Я ухаживаю за ней в традиционной манере, – отвечает он. – И кроме того, мне запрещено говорить об этом в квартире. Но в пятницу я веду ее ужинать.

– Ничего себе, все по полочкам.

– Наша соседка – величайший в мире раскладыватель по полочкам.

– А она... В смысле... о чем вы вообще разговариваете?

– Мы разговариваем обо всем, Дженнон. И, представь себе...

Он указывает на бледно-мраморную крепость.

– ...она нашла эту коробку. Подобрала на мусорке у себя в офисе.

Чудеса. Скалолазка и мастер ризотто, профессиональный дирижер общественным мнением Эшли Адамс участвует в строительстве Мэтрополиса. Может быть, она, в конце концов, не такой уж андроид.

– Это прогресс, – говорю я, салютуя бутылкой.

Мэт кивает.

– Прогресс.

Павлинье перо

У меня тоже свой прогресс: Кэт пригласила меня на домашнюю вечеринку. К сожалению, пойти я не могу. Я вообще не могу ходить ни на какие тусовки, потому что моя смена в магазине начинается ровно в «туса ноль-ноль». Обида ввинчивается в сердце: Кэт устраивает бал и любезно выписывает мне контрамарку, а у меня связаны руки. «Жаль», – печатает она. Мы общаемся в гугл-чате.

Да, жаль. Хотя погоди-ка.

А вот в каком:

Нипочем не согласится.

Она согласна. Но:

Я улавливаю определенную несовместимость между верой Кэт в бестелесное будущее человечества и ее настойчивостью в отношении потребления алкоголя, но бог с ним, ведь я иду на тусовку.

Десять вечера, и я за стойкой у Пенумбры, светло-серый джемпер поверх голубой полосатой рубашки и, ради шутки, которую я надеюсь триумфально выдать в какой-то момент вечера, штаны, разрисованные безумными фиолетовыми огурцами. Поняли? Никто ведь не увидит меня ниже пояса – в общем, да, вы поняли.

Кэт появляется онлайн в 10:13, я кликаю на зеленую иконку в форме камеры. Она появляется у меня на экране, в той же красной «шмяк»-футболке, что и всегда.

– Хорошо выглядишь, – говорит она.

– А ты-то не при параде, – отвечаю я.

И вообще никто не при параде.

– Да, но ты-то всего лишь парящая голова, – говорит Кэт. – Тебе надо выглядеть тип-топ.

Магазин расплывается, и я ныряю рыбкой в обстановку жилища Кэт – места, напомним вам, где мне еще не приходилось бывать во плоти. Это просторный лофт, и Кэт носит свой ноут по квартире, показывая мне, где что.

– Это кухня.

Поблескивающие шкафчики со стеклянными дверцами; плита в индустриальном стиле; на холодильнике комикс из серии xkcd.

– Гостиная, – говорит Кэт, разворачивая меня кругом. Обзор расплывается в темные зернистые мазки, затем оформляется в широкую комнату с большим телевизором и длинными низкими диванами. Висят афиши фильмов в аккуратных тонких рамках: «Бегущий по лезвию», «Планета обезьян», «ВАЛЛ-И». Кругом сидят люди: кто на диванах, кто на ковре, – играют в какую-то игру.

– Это кто? – чирикает чей-то голос.

Камера разворачивается, и передо мной оказывается круглолицая девица с темными кудряшками и в черных очках с толстой оправой.

– Это экспериментальный симулятор интеллекта, – объявляет Кэт, – разработанный для занимательного трепа на вечеринке. Вот, испытай.

Кэт ставит ноут на гранитную барную стойку.

Темные-Кудряшки склоняются поближе – ой, ну совсем близко – и прищуриваются.

– Погоди, что, правда? Ты настоящий?

Кэт не бросает меня. Это было бы проще простого: поставить ноут, отойти на чей-то зов и не возвращаться. Но нет: целый час она выпасает меня на тусовке, знакомит с соседями по квартире (Темные-Кудряшки из них) и друзьями из Гугла.

Она приносит меня в гостиную, и мы, расположившись кругом, играем в игру. Игра называется «Предатель», и худой чувак с жидкими усиками, наклонившись поближе, объясняет, что ее изобрели в КГБ, и что в шестидесятые в нее играли все секретные агенты. Игра на вранье. Тебе дается какая-то роль, но надо убедить группу, что ты – совсем другая персона. Роли распределяются с помощью игровых карт, Кэт подносит к камере доставшуюся мне.

– Так нечестно, – говорит девица напротив.

У нее ужасно светлые волосы, прямо белые.

– Ему легче. Мы же не видим, как он себя ведет.

– Святая правда, – говорит Кэт, хмурясь. – Но я знаю точно, что он надевает штаны в турецкий огурец, когда врет.

Как по сигналу, я наклоняю ноут, чтобы они увидели мои брюки, и хохот подымается такой, что динамики трещат и шипят. Я тоже смеюсь и наливаю себе еще пива. В магазине приходится пить из красного пластикового стаканчика. То и дело я бросаю взгляд на дверь, и кинжал страха пляшет напротив моего сердца, но адреналиново-алкогольный буфер смягчает уколы. Никто не придет.

Никогда не приходит.

Я вступаю в разговор с приятелем Кэт по имени Тревор, тоже из Гугла, и сквозь мою защиту проникает кинжал совсем другого рода. Тревор заводит длинный рассказ о путешествии в Антарктиду (кто вообще ездит в Антарктиду?), и Кэт наклоняется к нему. Как будто бы ее прямо притягивает, но, может, это просто ноут стоит под углом. Мало-помалу другие слушатели рассасываются, и Тревор фокусируется на одной Кэт. У нее светятся глаза, и она постоянно кивает.

Эй, да ладно. Ничего особенного. Просто интересная история. Она чуток под мухой. Я чуток под мухой. Хотя я не знаю, под мухой ли Тревор, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/robin-sloun/kruglosutochnyy-knizhnyy-mistera-penumbry/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Американский институт графических искусств (прим. перев.).

2

Автор отсылает к изречению американского правоконсервативного философа и писателя Уильяма Бакли (1925–2008): «Консерватор – это тот, кто с криком «Стой» идет наперекор истории во времена, когда никто не будет ни слушать такого, ни долго терпеть».

3

Отсылка к философскому роману Фридриха Ницше «Also sprach Zarathustra» (нем.) – «Так говорил Заратустра».

4

Район Сан-Франциско поблизости от знаменитого моста Золотые Ворота.

5

Paris Review – литературный журнал, основанный в 1953 г. в Париже. Публиковал сочинения Джека Керуака, Филиппа Рота, Сэмюэля Беккета, Жана Жене и др.

6

ТСЗАП – технические средства защиты авторских прав, программы и устройства, препятствующие копированию или отслеживающие незаконные копии файлов.

7

Свидание с Рамой – роман писателя-фантаста Артура Кларка об искусственном астероиде внеземного происхождения. Три книги продолжения написаны в соавторстве с Джентри Ли.

8

В книге Николаса Бриггса «Поколение Далека» – планеты, пригодные для колонизации.

9

Билли Коллинз (Billy Collins) (р. 1941) – знаменитый американский поэт.

10

Penumbra (исп.) – полумрак, полутень.

Купить: <https://telnovel.com/ru/robin-sloun/kruglosutochnyy-knizhnyy-mistera-penumbry-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)